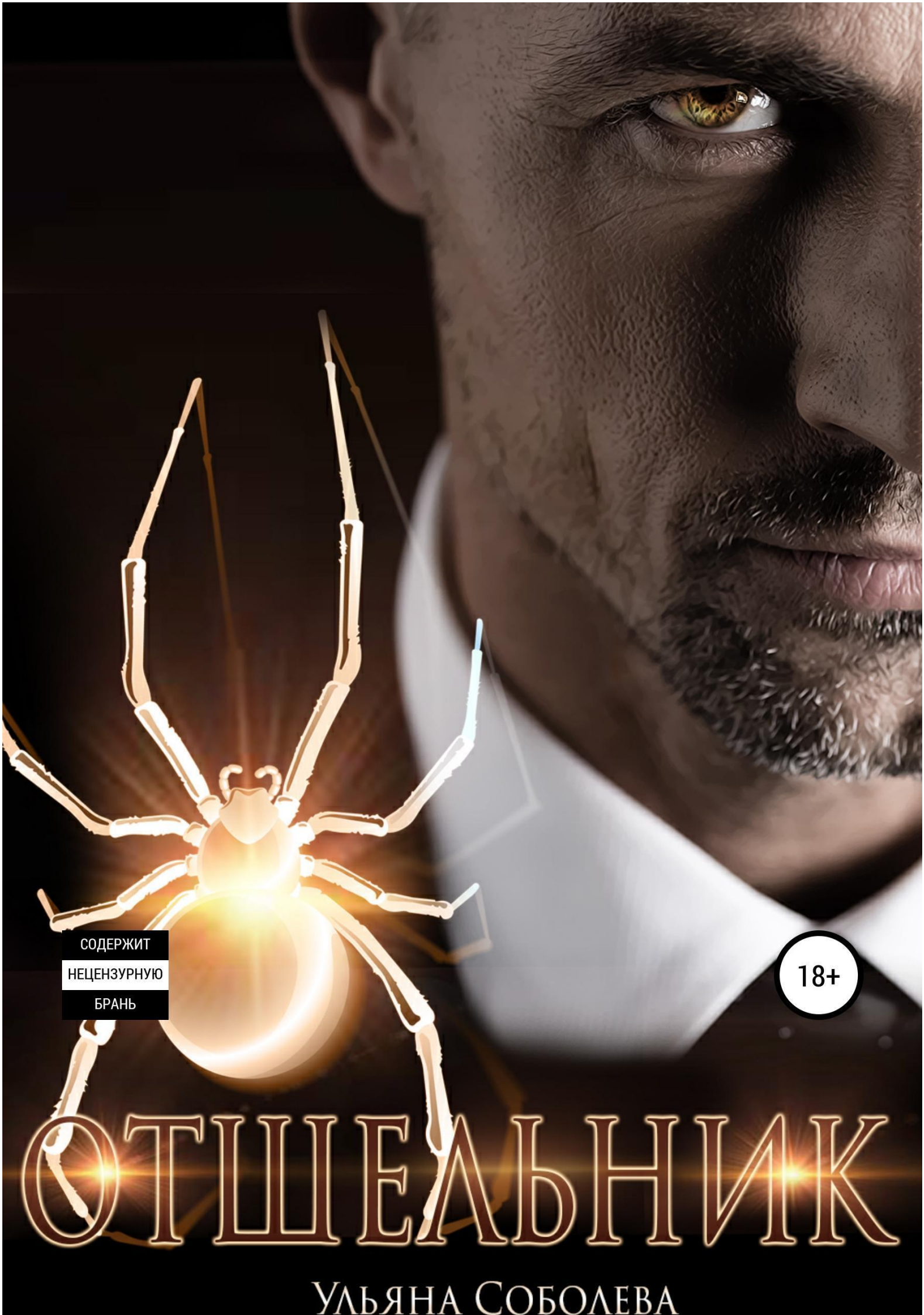
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
ОТШЕЛЬНИК
Ульяна Соболева

Ульяна Соболева

Отшельник

«Автор»
2018

Соболева У.

Отшельник / У. Соболева — «Автор», 2018

Я думала, что нашла хорошую работу и смогу оплатить лечение младшего брата, но меня обманули и я заключила сделку с жестоким и циничным дьяволом, которому мало моего тела - он жаждет душу. Человеческая жизнь для таких, как он, измеряется в денежном эквиваленте. Впрочем, как и любовь. Вы когда-нибудь встречали бездушного, кровожадного и циничного зверя в человеческом обличье? Я встретила.В оформлении обложки использована фотография автора: Demian (Dmitry Cherevko),ID32770273, лицензия #118698894, ресурс depositphotos и curaphotography (Francesco Cura),ID10819731, лицензия #117900154, ресурс depositphotos.Содержит нецензурную брань.

© Соболева У., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 23
Глава 6 27
Глава 7 31
Глава 8 35
Глава 9 41
Глава 10 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Ульяна Соболева
Отшельник

Глава 1

Какими разными путями идут желанья наши и судьба…
© Уильям Шекспир

– Развелось этих олигархов, как собак нерезаных. Жиреют на наши деньги. Кровью нашей накачиваются. Вампирюги. Люди голодают, а они…

– Ты о чем, мам?

Поле ночной смены дико хотелось спать, и я следила за разводами молока в чашке с растворимым кофе, чувствуя, как засыпаю сидя и с открытыми глазами.

– Ну вот еще один. Глянь на него – Роман Огинский написано. Хлыщ лощеный. Филиал банка они открыли новый по европейским стандартам. Кредиты будут якобы без процентов на проекты по развитию города выдавать и бюджетникам на покупку жилья. Посмотри на директора банка – жирный, как три свиньи, и этот рядом стоит, вроде как с обложки журнала, а глаза звериные, ничего доброго в глазах этих. Беспроцентные, ага. А не выплатишь взнос – почку вырежут и продадут вот этому на еще одну яхту. Лучше б детям детдома отстраивал и пенсию старикам подняли. Сволочи. Откуда только капиталы свои берут?

Я голову от чашки с кофе подняла и на экран телевизора посмотрела. Лицо «лощеного хлыща» показали очень близко, и я внутренне подобралась. Бывают такие люди, при взгляде на которых ощущаешь физический дискомфорт. Нечто странное на уровне подсознания, когда еще непонятно – нравится тебе этот человек или нет, а тревога появилась. Может быть, потому что глаза у него необычного цвета – янтарного. Редко такой встретишь в природе. Или это освещение. И взгляд с прищуром цепкий с экрана насквозь пронизывает. Звериный взгляд, хищный, с долей презрения к тем, кто его обступили и щелкают камерами, но как-то настороженно, не нагло, держат дистанцию. Кажется, он сейчас шаг вперед сделает, и они назад попятятся.

И снова притягивают его глаза очень светлые, неестественно светлые, возможно, это линзы. В сочетании с крупными, но симметричными чертами лица и черными волосами – поразительный эффект. Он что-то говорит низким хрипловатым голосом, и видно, как притихли журналисты. Никто ничего не выкрикивает. Они все, словно завороженные, смотрят на Огинского этого, как кролики на удава. Камера отъехала дальше, и теперь я увидела его в полный рост. Нет, он не похож на кого-то с обложки журнала. Только потому что такие для обложек не позируют. Такие вообще не позируют – позируют для них и в той позе, в которую вас поставят, а ставят они обычно только в одну и притом всех. И он далеко не лощеный, а скорее, матерый, внушающий суеверный страх и какое-то оцепенение, ощущение неограниченной власти, способной смести на своем пути абсолютно все. Ростом невысокий, но спина прямая, и видно, как мышцы бугрятся под складками костюма стального цвета. Я тряхнула головой – какое мне дело до этого олигарха? Их только по телевизору и можно увидеть. Как экспонат в музее. Для таких простые люди – мелкие букашки, по которым можно пройтись туфлями, как у него – с натертыми до зеркального блеска носками. Ему плевать на всех, и это открытие банка – показуха. Скорее всего, или выборы на носу, или свой определенный интерес в резонансе. Мужчина на экране отвернулся от камер и не торопясь пошел в здание, журналисты тут же загалдели, начали выкрикивать вопросы, он резко обернулся, и они так же резко замолчали. Камера снова приблизила его лицо, и я сама невольно отпрянула назад – слишком присталь-

ный взгляд, слишком пробирающийся под кожу. Он знает, что его боятся, и наслаждается этим страхом. Чувственные губы слегка дрогнули в подобии улыбки.

– Надь, может, не надо в столицу? Сдалась она нам, а? Я выздоровею немного и на работу выйду. Мы справимся, а дочь? Не уезжай никуда.

Мама отвлекла меня от телевизора и, едва я обернулась, вымученно мне улыбнулась. Я улыбнулась ей в ответ.

– Конечно, мы справимся. Я сделаю все, чтоб мы справились с тобой. Главное, работу хорошую найти. Потому что вот так, как сейчас, больше нельзя ни мне, ни тебе, ни Мите нашему.

Медсестрам в нашей единственной в городе больнице платили мизерную зарплату, которой едва на нескончаемые лекарства для брата хватает и чтоб за квартиру заплатить, да поесть. Нищета – это жутко, кто никогда не был с ней знаком, не поймет, что это значит. Люди боятся, а еще больше – стыдятся нищеты. Прячут ее под видимым благополучием, под картонными декорациями якобы удавшейся жизни. Чтоб никто и подумать не мог, что помада не брендовая и духи турецкая подделка, если и на это хватало денег. Вот мне не хватало даже на подделку. Поэтому я на рынке покупала самое дешевое и красилась либо дома, либо в кабинке туалета, чтоб не так стыдно было. Сейчас людей не по душевным качествам оценивают, а по гаджетам, шмоткам, духам и другим материальным благам. А нет денег – ты тупой нищеброд. Мне наша главврач всегда говорила:

«– Наденька, с твоей внешностью кукольной не задницы колоть и клизмы ставить, тебе в столицу – подиумы покорять и сердца олигархов. В дыре этой сидишь, красоту губишь.

Я смеялась и шприцы укладывала в ряд, подсчитывая, сколько осталось в шкафчике, чтобы дозаказать вечером.

– Да прям и красота. Светлана Анатольевна, в столице красавиц и без меня хватает, а кто Степан Антонычу капельницу на дому поставит? Он никого на порог не пустит. Марья Ивановна без прописки, вы сами знаете – я ее колю. Да и мама не справится с Митей.

– Я вполне серьезно, Самойлова, ты б о брате подумала. В нашей дыре никого не встретишь, а в столице ты любую за пояс заткнешь. Красота – это страшная сила и самая ценная валюта. Это дар свыше. Пользоваться надо.

– Ничего. Я в Интернете подработку нашла. Справимся и так. И без олигархов.

– Справится она. Ты хоть ела сегодня? Иди в столовой скажи, чтоб тебе мою порцию отдали, я из дома принесла. Иди, тетя Дуся борща нальет горячего с котлетой. Смотреть на тебя тошно – халат болтается, как на вешалке. Сама впроголодь живет и справится она… тоже мне».

Разве в наше время кто-то голодает? Разве в наше время кто-то в чем-то себе отказывает? Да, голодают, и да, во многом себе отказывают. Некоторые мясо по праздникам покупают. Это в столице словно мир иной, а по маленьким городкам ни черта не изменилось, а где-то и хуже стало. Вроде все одеты прилично и по помойкам не шастают, и даже в супермаркеты ходят, но это лишь видимость. Менталитет у нас такой – не привыкли мы напоказ наши беды выставлять. Мама всегда вещи перешивала, старалась, чтоб как в журналах, и духи у нее французские уже лет десять стояли на комоде. Как-то подруга ее привезла и на день рождения подарила. Мама пользовалась ими по праздникам по большим. А мне так хотелось духи ей новые подарить и цветы на восьмое марта, и в театр с ней сходить, и в кафе. Столько всего хотелось… то, что для других обыденно, мне казалось недостижимыми мечтами.

Иногда я уныло смотрела на свою зарплату, прикидывала, что и куда надо оплатить в первую очередь, и понимала, что жить снова придется впроголодь. И Мите за лекарствами в другой город ехать надо. У нас их здесь нет. У младшего брата, больного с рождения ДЦП, три года назад начались приступы эпилепсии, и с тех пор мы на нескончаемых противосудорожных препаратах, но они плохо помогают и интервалы между припадками становятся все меньше, а их интенсивность сильнее. Мама ушла с работы бухгалтером и устроилась санитаркой ко мне

в больницу. Менялись с ней, чтоб Митя сам не оставался. Спину она там сорвала недавно и сейчас еле по квартире ноги передвигает. Смотрю на нее и иногда больно так становится – ведь она еще молодая женщина, а это безденежье лютое почти старуху из нее сделало, потому что ни одеться красиво, ни сумочку новую купить, ни волосы в парикмахерской уложить и ночи бессонные нескончаемые, и ужас вечный за Митю. Со смены утром приходит и ничком на постель валится. Я ее пледом прикрою, сапоги с отекших ног стяну, и боль-тоска душу гложет. Бессилие, проклятое, до слез из глаз. Отец, когда жив был, полегче нам всем жилось, он на заводе работал, подрабатывал иногда и деньги «левые» домой приносил. Его не стало внезапно. Инсульт. На улице упал, когда с работы шел, и так на остановке почти до утра пролежал – ни одна тварь внимания не обратила, а когда обратили – он уже мертвым был. Людское равнодушие страшнее самого жуткого маньяка-убийцы, оно жизни людей косит конвейером. Предпочитают отмолчаться, отсидеться, не видеть и не знать. Так жить легче.

Недавно один урод на глазах у всех соседскую девчонку-старшеклассницу в машину затолкал, никто даже не заступился. Я из окна увидела, на улицу бросилась, а джип уехал уже. В полицию позвонила, номера продиктовала, мне сказали, что заявка принята. Девочка эта в школу потом с месяц не ходила. Я так и не знаю, что произошло, но могу лишь догадываться, и страшно от этого жить становится. Страшно, потому что кто-то с деньгами способен заплатить за что угодно, а еще страшнее, что кто-то может эти деньги взять и на все закрыть глаза. Безнаказанность и вседозволенность только потому, что денег много. И я по-тихому, но люто ненавидела всех этих любимчиков фортуны, которые не знают, что значит утром сгибаться пополам от чувства пустоты в животе или давиться слюной от запаха сэндвича, и не иметь возможности его купить. Тех, кто могут везде без очереди с наглым видом, кому изначально положено, только потому что деньги есть… а еще больше презирала лизоблюдов, которые за счет вот таких мразей живут припеваючи.

Может, поэтому я врачом хотела стать – людей спасать. Баланса какого-то… но все мечты рухнули, когда средства большие понадобились. Оставалось только работать. На учебу уже ни сбережений, ни времени не осталось. Мама нас двоих не потянула бы кормить.

Я как-то увидела ночью, как она в кухне горько плачет над очередной выпиской от невролога с кучей рецептов, и поняла, что врачом стану когда-нибудь потом, а сейчас работать надо и ей помогать. Пошла в училище после девятого класса на медсестру и по вечерам официанткой в пиццерию.

На маму смотрю и уезжать боязно-боязно. Одну ее оставлять с Митей. Вдруг не справится. Но мне подруга пообещала помочь… конечно, с трудом верилось в то, что она рассказывала, но верить хотелось, потому что просвет я наконец-то увидела в темноте нашей вязкой и надежда задребезжала слабеньким лучиком где-то на горизонте. Человеку ведь всегда верить в лучшее хочется. И мне очень хотелось. Несмотря на то, что двадцать два уже и давно жизнь вынудила перестать быть ребенком и начать заботиться о семье.

Лариса Мельникова – моя бывшая одноклассница. Я встретила ее в соседнем городе, когда в аптеку ездила. Она меня чуть не задавила своим огромным белоснежным джипом, паркуясь у тротуара – тоже тетке своей за лекарствами приехала. Извиняться не собиралась, выскочила руками размахивать, цокая по асфальту сапогами на тоненьких шпильках и кутаясь в короткий искусственный полушубок сиреневого цвета. В школе Ларка была пышкой, а сейчас я бы ее даже не узнала – вся из себя подтянутая, стройная… но зато она сразу же узнала меня.

– Смотри, куда идешь, курица! Совсем ослепли в своем Мухосранске! Твою ж… Самойлова! Обалдеть! Просто оба-л-де-е-е-е-ть!

Она схватила меня за руки и, качая головой, рассматривала с ног до головы.

– Ты ли это, Утенок? Охренеееееть! Модель! Надька, да ты настоящая модель, – потом нахмурила толстые по-модному нарисованные брови, – ну, если приодеть и прическу твою извечную сменить. Ты что, волосы ни разу так и не стригла?

Мне даже расхохотаться захотелось – это все, что ее волновало после стольких лет? Мои волосы были любимой темой в школе. Да, я их не стригла. Никогда. Потому что сама себе поклялась, что отрежу волосы только тогда, когда Митю прооперируют и ему станет легче. Где-то в книге прочла про священные обеты и дала вот такое обещание. И ни разу ножницами не коснулась. Из-за длины приходилось в косы заплетать и узлами на затылке скручивать.

Ларка насильно затолкала меня в свой джип и повезла в кафе, по дороге ругаясь, что ни одного приличного здесь точно нет, а она кофе пьет только в одном заведении, а тут точно не кофе, а помои. Брезгливо вытерла влажной салфеткой стол и лишь тогда поставила на него локти. Разговорились – кто сейчас и где из наших одноклассников. Мельникова щебетала – кто и кем стал, а я на часы посматривала и помешивала сахар в чашке, думая о том, что этот кофе мне так не в тему. Лучше б я бутерброд купила или печенье, в животе так пусто аж до ноющей боли. Словно к спине прилип.

– А ты где сейчас? В этой дыре разве есть работа?

Наконец-то она вспомнила обо мне.

– У нас в больнице. Медсестра. И… ты прости, Лар, у меня смена скоро и лекарства надо Мите отвезти. Я и так сильно задержалась, а у него по времени.

С лица Ларки вдруг пропало наигранное выражение напускного веселья. Словно выключился весь этот раздражающий пафос.

– А что с Митей? Все так же плохо, да?

Ужасно не любила рассказывать о проблемах брата, мне казалось, что это выглядит жалко и я побираюсь или о помощи прошу заранее. Мы, конечно, обращались в фонды, но я не могла в соцсетях денег вымаливать и по знакомым ходить с протянутой рукой. Не могла и все. Нееет, я никого за это не осуждала, наоборот, искренне радовалась, когда у людей получалось собрать. Может быть, это неправильно, и я лишала Митю шанса, но у меня язык не поворачивался попросить. Благодарила от души, когда помогали, но сама не умела и мама не умела умолять дать хоть копейку.

– Эпилепсия началась пару лет назад. Точнее, она и была, но мы не знали, пока хуже не стало. Нужно тщательное обследование и, может, операцию делать – подозревают опухоль. Но пока мы на лекарствах.

– Ужас какой! – всплеснула руками с длинными фиолетовыми ногтями. – Это помимо его аутизма!

– ДЦП. Не аутизм. Ты прости, Лар, у меня вечером девочка приходит – я ей по английскому помогаю. А мне еще трех пациентов обойти и Мите капельницу поставить.

– Подожди ты… подожди.

Она о чем-то думала, постукивая ноготком по столешнице, а потом вдруг спросила.

– Надь, а если я тебе работу предложу хорошую? Тебе ведь не хватает копеек твоих, я же вижу, что плохо все. Давай помогу, а?

Я вдруг поняла, что так и не спросила у нее, чем она сама занимается. Когда своих проблем по горло, невольно становишься эгоистом, и чужая жизнь совершенно не волнует. Ни порадоваться, ни посочувствовать нет ни сил, ни желания.

– У меня с мужем агентство свое. Оказываем разного вида услуги высокопоставленным лицам. Находим для них обслугу, нанимаем дворецких, бухгалтера, садовника, в общем, полностью берем на себя все бытовые проблемы клиента. Я могу найти для тебя хорошее местечко с окладом в десять твоих зарплат, но надо переехать в столицу.

Лариса несколько секунд меня пристально рассматривала:

– Например, можно было бы устроить тебя горничной в приличный дом на полный рабочий день, включая проживание. На заочку пошла б в медицинский со временем.

По мере того, как она говорила, у меня сердце билось все сильнее и сильнее. Громче и громче. Так что в висках пульсацией отдавало. Мне хотелось заорать и схватить Ларку за руки, но я только стиснула чашку и перестала нервно размешивать сахар.

– Ну чего ты молчишь? Ты бы хотела, чтоб я подыскала тебе хорошее место?

Я молча кивнула, не в силах сказать ни слова.

– Ты не думай – работа не грязная. У них такие хоромы, как дворцы. Унитазы чуть ли не золотом покрыты. Там стерильней, чем в ваших операционных, и все автоматизировано. Будешь как сыр в масле кататься. Ну да, это, конечно, не научный центр и не частная клиника… но ты вряд ли смогла бы туда устроиться. Ты ж не дурочка и сама понимаешь… Может, брата со временем привезла б в больницу хорошую.

Глаза Ларки сверкали, и она явно была довольна собой. Люди невероятно любят кому-то помогать, это делает их значимыми в собственных глазах. Они начинают считать себя хорошими и добрыми, гордиться собой и натирать нимб синтетической тряпкой, не оставляющей ворсин. Почему именно ею? Не знаю. У меня перед глазами возникла именно такая тряпка из рекламы.

– Так, я сейчас позвоню Игорьку, он мне пробьет по картотеке, где требуется обслуга, мне сегодня запрос попадался на рабочем мейле, а ты собирайся – вместе полетим, нас там встретят. Я тебе и аванс выбью.

У меня возникло желание просто задушить ее в объятиях. Запищать и душить, душить, душить. Надо же. Ведь мы в школе и не дружили особо, а тут на тебе. Но я впала в ступор. Ларка подняла указательный вверх, набирая номер в сотовом.

– Гош, а Гош… глянь для меня, кому горничная недавно нужна была? Та нет. Нет же. Эта девочка не такая. Именно горничная настоящая. Да, и перезвони мне.

Прикрыла трубку ладошкой.

– У тебя если что со здоровьем все в порядке? Врачей сможешь обойти?

Я быстро закивала. На самом деле медосмотр мы в клинике каждый квартал проходили.

– Вот и чудненько. Судимостей не было?… Хотя, что я спрашиваю, какие судимости, если тут на лбу написано – «я честная, можете меня дурить».

Я рассмеялась впервые за нашу встречу, а может, и впервые за долгое время.

– Неправда.

– Правда-правда. Я помню, как мы тебя с Елисеевой обманули и сперли браслет, который тебе Генка подарил на день рождения. Дурында ты.

– Вы же его вернули.

– Конечно, вернули. Елисеева думала, это золото, а это просто железка желтая оказалась. Вот и вернули. Ой, мы такими сучками в школе были, и вспомнить стыдно.

Мне почему-то подумалось, что вряд ли она сейчас сильно изменилась. Но вслух я этого, как раньше, не сказала. Обижать ее было ни к чему.

– А ты, я смотрю, как была добрая душа, так и осталась. Нельзя, Надька, в наше время такой быть. Люди – звери, а то и хуже. Уж поверь мне. Я такого насмотрелась с работой этой…

***

Я подняла снова взгляд на маму.

– Надо, мам. Пора нам выбираться из нищеты этой. И, может, Митю получится в столицу привезти. Ты радоваться должна, что шанс такой появился. Главное, не грусти и отдыхай побольше. Если что, к Светлане Анатольевне обратись – она поможет обязательно. Обещала позаботиться о тебе.

Мама кивнула и руку мою сильно сжала, а у самой слезы на глазах.

– Ты прости меня, хорошо?

– О боже, за что?

– Что во так вот все… что не дала вам ничего. Сама с зарплаты на зарплату, и ты также… Может, надо было не за отца твоего выходить, а… за кого-то побогаче. Были же у меня всякие ухажеры-мажоры.

– Стоп! Остановись… не говори лишнее. Ты папу любила, и он тебя любил. И это самое дорогое, что у вас было. Деньги – не самое главное в жизни, мама!

– Главное… главное. Деньги – это свобода, Надя. Это возможность жить, как хочешь… возможность жить, понимаешь?

Она разрыдалась, а я обняла ее крепко и зубы стиснула.

– Не главное. Думаешь, у них, у богачей этих, дети не болеют и не умирают?

Но я знала, что она права. Будь у нас сейчас возможность, Мите уже давно стало бы лучше.

– Все хорошо у нас будет. Вот увидишь.

Потом к Мите пошла. Посидела у кровати, за руку подержала. Он спал так сладко и во сне совершенно не выглядел больным. Повзрослел так. Уже не малыш, как раньше.

Мне иногда снилось, как он бегает по двору и мяч гоняет. А мама смотрит на него и смеется громко так и счастливо, как никогда за последние годы, и папа наш живой еще. Просыпалась вся в слезах… потому что лишь во сне все это возможно. Мне б туда, в сон этот перебраться, где мы счастливы все и отец с нами, ласково улыбается, щурится от солнца и мать за плечи к себе прижимает.

***

– Надь, ну ты бы эти косы уложила как-то по-другому и платье покороче надела. Как из деревни какой-то. Ей-богу.

Осмотрела с ног до головы и поджала ярко-малиновые губы.

– Я и так из деревни.

Она рассмеялась, а я нет, только сильнее стиснула чемодан. На самолетах раньше никогда не летала, и мне было страшно до тошноты и дрожи в коленках. Но показать этот страх Лариске я не хотела. Она и так находит повод надо мной поржать, а я чувствую себя ужасно неуютно рядом с ней в ее красивых сапогах, полушубке и коротком фиолетовом платье. Нет. Не зависть. Я не знала, что это за чувство – мне оно было неведомо. Я никогда не хотела иметь что-то, как у других. Мне хотелось чего-то достичь самой, а когда этой возможности не было, то и зачем зацикливаться. Где-то видела цитату: «зависть – добровольное признание себя ничтожеством», я была с ней всецело согласна.

– Надь… смотри, как тот мужик пялится на тебя. Вон тот в очках у окна, аж шею вывернул. Ты такая хорошенькая. Если б приодеть тебя и прическу сделать, такого жениха б нашли тебе…

Я не смотрела ни на кого, меня от страха начало тошнить, и я с трудом старалась справиться с ним и с подступающими позывами вернуть свой завтрак обратно. У меня так всегда – если очень сильно нервничаю, меня начинает мутить.

– Ты вообще не изменилась. Есть мужики-ботаны, а ты баба-ботан. Уравнения, что ли, в голове просчитываешь или препарируешь кого-то?

Я ей не ответила, а отпила минеральной воды и уставилась на журнал.

– Самойловааа, а, Самойлова, а у тебя парень есть? Встречаешься с кем-то?

Я выдохнула и повернулась к ней. Что ж она неугомонная такая никак не успокоится. Впрочем, она и раньше такой была. Мне постоянно хотелось заклеить ей рот скотчем.

– Нет. Не встречаюсь.

– А как же Генка? Замуж после школы не звал?

Звал. И не только Генка звал. Но куда я замуж пойду, когда мама одна совсем и Митя без присмотра. Мне не до замужеств было, не до флирта, не до мужчин совсем. Я лет с десяти скрюченное тельце брата с мамой мыла, переодевала, кормила его с ложечки, книжки ему читала. Мне не до гулек было. Генка позвал и уехал из города, а Стас, наш физиотерапевт, тоже поухаживал какое-то время, понял, что мне не до этого, и женился на лаборантке Вале, которая таскала ему из дома пирожки. Правда, иногда пытался меня зажать на лестнице и получал по морде, матерился, потом извинялся, а через время все снова повторялось. Никак успокоиться не мог, что секса у нас не было… и ни с кем не было. Вышло так. Не специально. На медосмотре Елена Владимировна цокала языком и говорила, что для здоровья вредно мужика не иметь. А когда мне его иметь? Если не было времени даже поспать, не то что ходить куда-то.

– Ясно, ты своему Мите второй мамой заделалась и все на себя взвалила. Тетя Люда могла и о тебе подумать…

– Лар, давай не будем о моей семье, хорошо? Мне неприятно. Все решения, которые я принимала, были только моими. И дай бог всем такую маму, как у меня.

Я не хотела ее обидеть. Мать Лариски бросила их отца и укатила куда-то с молодым любовником, еще когда мы учились в седьмом классе. Она долго скрывала, но как-то наша классная бестактно брякнула эту новость на классном часе, отчитывая Лару за что-то.

Мельникова брови нахмурила и уткнулась в свой смартфон.

– Спасибо, огромное, что помогаешь, Ларис, огромное. Но я, правда, о себе не люблю. Давай о тебе.

– В том-то и дело, Надя, надо прежде всего о себе любить. Тогда в жизни все складывается. Ладно, святоша ты наша, нашли тебе превосходное место у одной старушенции – матери олигарха. Сынок крутой до невозможности. С ним и поговорить особо не удается, обслугу всю она через нас сама нанимает. Регентша, блин. Типа вся из себя царица и душеприказчица. Будешь убираться у них в доме. Выходной – раз в неделю, или раз в месяц можно взять несколько дней. Разберешься на месте. Справку взяла из больницы и о «несудимости»?

Я кивнула, по коже поползли мурашки и от страха глаза расширились. В ту же секунду взлетел самолет, а Ларка расхохоталась.

– Аааа, я не могу. Ты самолетов боишься? Или не летала никогда? Самойлова, ну ты редкий экспонат. Реально. Держи жвачку – уши перестанет закладывать. Так вот, эта баба тот еще фрукт. Ведьма. Тяжело с ней будет. Ну ты справишься, я думаю. Платят там так, что тебе и не снилось. Аванс дают вперед. Это если вдруг ты в первые дни передумаешь, я поищу другое место, но именно горничной у меня пока ничего нет.

Мне надо было у нее спросить – а что есть или чем еще они занимаются, но мне это даже не пришло в голову. А зря.

Глава 2

Держи подальше мысль от языка, а необдуманную мысль – от действий.
© Уильям Шекспир

– Так, Самойлова, сиди тут, я скоро приду. Не уходи никуда, еще потеряешься опять.

Издевается зараза. Да, я потерялась в здании. А кто б не потерялся? Небоскреб с зеркальными окнами и этажами-лабиринтами. В туалете две входные двери и у лифта две. Если с другой стороны вышел – все, пиши пропало. У меня вообще с ориентацией на местности очень и очень плохо. Я в трех соснах себя теряю. Лариса мне показала, где уборная, и я вышла не там, где надо. В итоге она нашла меня на какой-то пожарной лестнице и искренне недоумевала, как можно было сюда попасть. Мне было ужасно неловко, потому что я такие здания видела по телевизору и в Интернете, а вживую никогда. Может быть, это покажется кому-то забавным, но думаю, что любой из нас, попав в незнакомое место, чувствовал бы себя, как я сейчас – растерянной и совершенно заблудившейся, как в этом здании, так и в себе. Я откинулась на спинку мягкого кресла возле нереально красивого камина с красными языками электрического пламени и, пригревшись, задремала. Проснулась от того, что кто-то тряс меня за плечо.

– Девушка, идемте.

Молодой парень с фотоаппаратом на шее кивнул в сторону коридора.

– Куда?

– Как куда? Сделать фотоснимки. Так положено.

– Я давала свои паспортные фотографии и…

– Я не понимаю, почему нужно повторять по нескольку раз? Вы пришли на работу, а я выполняю свою. И мне сказано вас сфотографировать. К чему лишние вопросы и трата времени?

Дёрганый, нервный. Волосы торчат в разные стороны, на концах крашенные в голубой цвет, рваные джинсы и свитер в полоску облепили округлое тело фотографа, как вторая кожа. На шее бряцают женские бело-синие бусы. Как их там называют? Метросексуалы? А может, геи? И те, и те похожи. Кажется, я увидела одного из них вживую. Нет, никакой неприязни, просто забавный тип. И очень, и очень странный.

– Хватит на меня пялиться. Можно подумать, у меня на лбу что-то написано.

Очень хотелось сказать, что у него не только там написано, но сдержалась и пошла следом.

Он долго вертел меня в разные стороны, просил принять разные позы. Пришел в какой-то космический восторг от моих волос и даже несколько раз их понюхал, и один раз сильно дернул. После него я еще долго сидела в коридоре. Мне стало скучно, и я решила пройтись взад и вперед по этому крылу этажа. Вдалеке слышались женские голоса, и я пошла на них, чтобы в недоумении остановиться поодаль, рассматривая безумно красивых девушек в ярких одеждах и с невероятными прическами, как экзотические птички, сбились в стайку и что-то наперебой рассказывали друг другу. Может, здесь еще и модельное агентство? Вполне может быть. Я ведь не уточняла у Ларисы, что находится на этаже. Какие они все красивые, как с рекламных плакатов. Стройные с матовой или золотистой кожей, пышной грудью и длиннющими ногами. Чем-то друг на друга похожи.

Внезапно из кабинета вышел полный мужчина низенького роста. Прошел вдоль притихших девушек, осматривая каждую из них и бормоча себе под нос. Но так, что было слышно аж в конце коридора из-за возникшей тишины.

– Все не то. Все. Не. То. Я говорил тебе, что мне надо. Точнее, заказчику. А это кто? Зачем мне эти одинаковые куклы? Самые лучшие? Мне стыдно спросить, как выглядят самые

худшие. Где ты их берешь? По вокзалам вылавливаешь? Мне лига нужна. Высший класс… а это лохудры безвкусные. Силиконовые лохудры. Как копи-пейсты все. Я их еле отличаю. Я понимаю, что модно… ты заказчикам об этом скажи. Они ж у нас теперь все естественное хотят, натуральное. Ну какая мне разница, что с ними происходит потом? Я продаю товар, а там хоть трава не расти.

Прошел мимо, размахивая пухлой рукой, и вдруг остановился, и медленно обернулся. Посмотрел на меня. Обошел несколько раз. Тоже дернул за волосы.

– Настоящие? – взгляд такой, что, если скажу «нет», он меня пристрелит.

Я кивнула.

– Пошли… давай-давай.

Я не успела ничего сказать, как он схватил меня за руку.

– Что ж ты раньше не сказала. Ну и хитрая стерва. Тут такая девочка… ооох, такая. Точно, как надо. Ларисочка, моя ты прелесть. Забираю слова обратно и с меня винцо. Как ты любишь. Периньончик выдержанный… Нет, мне сейчас не до твоей подружки – я нашёл бриллиант. Подружкой займемся позже, пусть подождет.

Отключился и с довольной улыбкой посмотрел на меня.

– Пошли фотографироваться.

– Опять?

– Сколько надо, столько и сфотографируем. Тебе ж деньги нужны?

– Ддда.

– Вот и славненько.

Фотографировал меня все тот же фотограф. Оказалось, его зовут Нюша и нет, он не гей. Вот просто он стильный. Мне от них всех рябило в глазах и казалось, я попала в какое-то сюрреалистическое кино, где люди вовсе не люди, а неизвестно кто. Меня опять вертели туда-сюда и трогали мои волосы. В конце концов закончили и попросили обождать в коридоре. Я попыталась набрать Ларису, но она мне не отвечала. Позвонила маме убедиться, что все хорошо. Внутри появилось чувство, что я не на своем месте. Захотелось сбежать… и, наверное, это было бы самое правильное, что я могла на тот момент сделать. Но перед глазами возникало лицо Мити, и я продолжала упорно сидеть в кожаном оранжевом кресле и листать журнал. Кажется, я опять задремала, но меня разбудило дребезжание сотового. И едва я ответила, Лариса рявкнула мне в ухо:

– Я тебя просила никуда не ходить? Просила или нет? Тебе трудно было сидеть на месте? Как ты вообще оказалась в левом крыле?

– Нет, я…

– Все уже не важно. Я скоро буду.

Отключилась, а я в недоумении смотрела на сотовый в своих руках. У Ларисы сменился тон, и она явно была не в себе. Ждать пришлось довольно долго. Мельникова появилась спустя пару часов с пакетами и папкой и кивнула мне на кабинет.

– Идем.

Усадила меня за стол и положила передо мной папку. Лицо ее удивительно изменилось – стало непроницаемым, как маска. Взгляд больше особо не задерживался на мне, и она не улыбалась. Лариса больше не походила на хохотушку, летевшую со мной в самолете и сидевшую в кафе. Ее как подменили. Сейчас наш разговор приобрел какой-то официальный тон, и я явно сидела перед работодателем.

– Подписывай и поедешь на работу.

– Все хорошо?

– Да, все хорошо, – пухлые губы растянулись в улыбке, но мне она показалась фальшивой. – Я просто забегалась сегодня, на меня свалилась куча всяких проблем неожиданных. Не обращай внимание. Подписать надо на первой страничке и на последней.

– Да, я почитаю и…

– Нет времени читать, я тебе все расскажу. Ты лучше переоденься.

Поставила пакеты на стол и пристально посмотрела мне в глаза.

– Я сделала все, чтобы помочь тебе, Надя. И я думаю, у тебя все получится. Иди примерь, потом подпишешь бумаги, я дам тебе твой аванс, и поехали.

От ее слов быстрее забилось сердце. Да, конечно, у меня все получится, не может не получиться, это ведь такой шанс, такой невероятный шанс.

Пока я доставала вещи из пакета, Лариса вышла за дверь и до меня доносились обрывки ее фраз.

– Я в ужасе, Гоша. Я не нервничаю, а я в ужасе!… Плохо понимаешь?..... Ты же знаешь, какой он!… Нельзя было так… У меня бы спросил… Предложи другую… Две других. Три, твою мать!… Эту? Ясно! Ну ты и козел!

Я достала из пакета темно-бордовое платье до колен, туфли на шпильках, черное нижнее белье. От непонимания округлились глаза. Когда Ларса вернулась в кабинет, я крутила в руках кружевной лифчик. А она нервно выдохнула и закурила тонкую длинную сигарету.

– Что такое? Я ошиблась с размером?

– Нет… но… зачем горничной все это?

Выдохнула быстро дым и посмотрела мне в глаза из-под длинных накладных ресниц.

– Это приличный дом, и людей туда берут приличных и со вкусом одетых, ясно? А не в тех бомжацких тряпках, в которых ты пришла.

Она почему-то злилась и нервничала, и ее нервозность передавалась мне. Но на столе лежал конверт с деньгами, и я решила, что перетерплю. Что важнее работа, которую она мне выбила. Быстро переоделась, даже не глядя на себя в зеркало, а Лариска окинула меня каким-то странным взглядом, так, наверное, породистых кобыл рассматривают.

– Обалдеть, Самойлова. Реально обалдеть. Как можно было такую красоту прятать под этим бесформенным барахлом? Будь у меня побольше времени, я бы, может, тебя моделью пристроила, а так… Все, ладно. Подписывай, и тебя отвезут на встречу… на собеседование.

Сунула мне два листа бумаги.

– Я все же хотела бы почитать.

Глаза Ларисы вспыхнули, и она нервно постучала по столешнице. В этот момент зазвонил мой сотовый. Я быстро достала его из сумочки и ответила.

– Да, мам… да.

– Снимки Митины пришли, Надь.

Голос глухой, дрожащий и слышно, что плакала она. Я выпрямилась на стуле, а Лариса мне подсунула шариковую ручку.

– И что там?

Мама всхлипнула.

– Опухоль. Пока не знают какая – злокачественная или доброкачественная. Надо в город соседний везти, там частную клинику открыли недавно. Светлана Анатольевна очень рекомендует, там знакомый ее нейрохирург работает.

В тишине голос мамы разносился по всему кабинету, и Лариса поскребла ноготками по конверту, привлекая мое внимание.

– Повези, мам, обязательно. Я тебе деньги переведу.

– Это большие деньги, дочка. Я узнавала… Господи, что делать, а? Я тетке твоей звонила, отцовской сестре – она обещала занять немного и…

В этот момент я поставила две подписи и протянула ручку Ларисе, а она подвинула ко мне конверт.

– Не надо никому звонить – мне дали аванс. Я положу тебе деньги на карту, и вези Митю в клинику. Попроси соседей – дядь Петя точно сможет отвезти вас. Заплатишь ему за бензин.

Я закрыла старенький сотовый и хотела положить в сумочку, но Лариса отобрала ее у меня и достала из пакета другую – бордовую с серебристыми вставками.

– Эта подойдет больше. И давай все же попробуем что-то навертеть с твоими волосами.

– Стричь не дам!

– Ненормальная. Стричь и не надо. Я сама тобой займусь, нет времени звать всяких парикмахеров и визажистов. Хотя не мешало бы.

Через час Лариса повернула меня к зеркалу, но мне было наплевать, что там она нарисовала мне на лице и какую прическу соорудила. Я думала о словах мамы и искренне надеялась, что опухоль не злокачественная. Пусть нам повезет и ей там скажут, что у Мити есть шансы выкарабкаться.

– Посмотри на себя. Вот это другое дело. Куколка.

Я ожидала увидеть разукрашенное пугало, но макияж был аккуратным и очень естественным, при этом мое лицо действительно напоминало кукольное, а волосы распущены и собраны заколкой так, чтобы подняться до бедер.

– Нравится?

– Да. Очень хорошо получилось. Не ярко. Не люблю ярко.

– Я курсы визажиста закончила. Мечтала стать моделью, но меня не брали, и я готовила к показам девчонок. Потом встретила на одном из дефиле в столице Гошеньку, и он женился на мне. Сделал из меня такую, как я сейчас, красавицу для себя и на подиум не пустил.

Я так и не поняла – жалеет она об этом или нет.

– Так, ладно, пошли. И запомни – ты еще будешь мне благодарна за все. Я все сделала только для тебя!

Я быстро закивала и сжала ее руки.

– Прости. Я просто сильно нервничала. Спасибо тебе огромное. Ты очень много сделала для меня, и правда. Я безумно тебе благодарна.

– Вот и хорошо. Поезжай. Тебя отвезет наш водитель. Аааа, документы пока оставь, я оформлю тебе трудовую карточку от нашего агентства.

– Паспорт?

– Да, паспорт, свидетельство о рождении. Я забыла записать, дурья моя башка. Кажется, даже в договор не внесла. Я верну тебе документы в выходной – заеду как раз небольшую проблемку уладить с мадам Ведьмой.

Я протянула ей паспорт, и на ее лице появилась широчайшая улыбка… но глаза все же не улыбались.

– Еще увидимся и, если что, звони мне. Любую проблему можно уладить. Хорошо?

– Конечно. Ты меня проведешь?

– Нет, снаружи стоит Валера – твой водитель и сопровождающий. Он отвезет тебя на место. Ну все. Удачи.

Чмокнула меня в щеку. Точнее, воздух у моей щеки. В коридоре меня, и правда, ждал парень в аккуратном деловом костюме, сложив руки за спиной. Я обернулась на Ларису, а та помахала мне рукой и подмигнула, но, когда я обернулась еще раз – она уже кому-то звонила и нервно захлопнула дверь в кабинете.

Глава 3

Тот человек мне гадок,
В ком мысли гнусные, язык же льстив и гладок.
© Уильям Шекспир

Я ощущала себя Золушкой, ну приблизительно. Потому что у меня уже очень давно не было обновок, я не ездила в такой шикарной машине и у меня никогда в сумочке не лежало столько денег. Не важно, что мне нужно будет их отправить маме… точнее, именно это и важно. Не важно, что они не останутся у меня. Вместе с эйфорией в голове пульсировал страх. Вспоминались слова Ларисы о хозяйке дома. И сердце вдруг сжалось очень сильно, а вдруг я ей не понравлюсь и меня рассчитают в первый же день? Тут же стало нехорошо. Я разнервничалась и тяжело выдохнула. Водитель бросил на меня взгляд и резко отвел его в сторону. Восковой манекен. Ни одной эмоции на физиономии и перчатки белые на руках.

Я отвернулась к окну, глядя на проносящиеся мимо загородные пейзажи. Хотя бы на пригород посмотрю. На столицу не получилось. Хотя я так давно мечтала. Ничего, в следующий выходной обязательно съезжу и погуляю по городу. Щеку приятно щекотал мех полушубка. Надо же – полушубок. У меня была лишь теплая стеганая куртка и то уже лет пять одна и та же с подстежкой, которую снимали весной и осенью. Мама ее уже и зашивала, и змейку меняла, и карманы новые пришила со своей куртки. А сейчас на мне какие-то вещи совсем из другой жизни. Из той, что по телевизору показывают или в книжках пишут. Иногда ловила свое отражение в зеркале заднего обзора и моментами мне казалось, что это не я. Та девушка мало на меня была похожа. И… она впервые мне нравилась.

«– У тебя такие красивые большие голубые глаза, Самойлова. Ты должна непременно подчеркивать их и скулы эти. Ты не представляешь, сколькие за ними бегают к пластическим хирургам, а губы – полные и сочные. Я бы их только блеском красила. Но волосы надо обрезать. Они, конечно, шикарные, светло-русые, но вот эти твои косы, как село какое-то».

Голос Лариски звучал в голове, а я тронула пальцами скулы – лицо, как лицо. Мужчины меня особо вниманием не баловали. Может, потому что я не думала об этом или не замечала. Светлана Анатольевна говорила, что я закрыта для знакомства. Замкнутая. И я их пугаю своей холодностью.

«Ледышка ты, Надька. Бесчувственный кусок льда. Влечешь, а потом отталкивает от тебя, как от морозильника. Красивая и холодная. Вера горячая, как огонь, а ты – труп. Лучше ее трахать после ее всех хахалей, чем тебя пытаться хоть немножко разогреть. Даже целка твоя на хрен не нужна. Кривишься брезгливо, и не стоит у меня на тебя».

Я тогда ударила Стаса по физиономии и плакала в туалете у раковины. Потому что он мне нравился. Очень нравился. Я думала, у нас что-то получится. А потом с лаборанткой его увидела – зажимались на лестнице. Было больно. Точнее, обидно. Что такое боль, я еще не знала. Тогда.

Какой наивной и хорошей девочкой я ехала в Багровый закат. Да, этот дом назывался именно так. И от этого названия становилось так волнительно внутри. Перед глазами возникал дворец из сказки на высокой горе, освещенный розовыми лучами солнца. Идиотка. Я знаю. Но девочки, которым никто не делал больно, верят в сказки и в принцев. Я тоже верила. Мне еще не встречалась грязь этого мира, не встречались подлые и страшные люди. Те, кто были рядом, любили меня.

Я даже представить не могла, насколько красивым и живым окажется этот дом на самом деле. По началу он мне показался именно таким – живым. Потом я начну думать совсем иначе. Огромный и величественный из красного камня, действительно похож на дворец. И еще баг-

ровый потому, что стены усадьбы летом увиты мелкими дикими алыми розами. Потом… спустя месяцы, я увижу эту мрачную красоту своими глазами. Ну и, конечно, знаменитый закат, который очень часто и зимой, и летом окрашивал всю местность в ярко-алый цвет.

Дом находился на утесе и был окружен лесопосадкой, как оказалось потом – заповедником, принадлежащим хозяину дома.

Я зачарованно смотрела на окна верхних этажей – лучи заходящего солнца, попадая на стекла, преломлялись, и получалось, что верхние этажи окружены алым сиянием. Думаю, это был какой-то фокус в самом стекле. Но зрелище впечатляющее, особенно снизу с дороги и на фоне снега.

Машина подъехала к массивным воротам, и те разъехались в разные стороны. Я снова начала нервничать, стиснула вспотевшими ладонями сумочку.

Передо мной учтиво распахнули дверцу, подали мне руку, помогая выйти, и провели в дом.

Даже не успела заметить, кто взял у меня полушубок и шарф. Я просто замерла и осматривалась по сторонам с открытым ртом. Ничего подобного я никогда в своей жизни не видела. Он был огромен, этот дом. Он был невероятно огромен, как снаружи, так и изнутри. И все убранство вокруг походило на музей… Мне было не с чем сравнить, но именно такими я представляла себе старинные особняки. Я стояла и хлопала ресницами, будучи не в силах глотнуть воздух, задрав голову, посмотрела на высокие потолки гостиной, у меня от узоров и зеркальной мозаики закружилась голова.

– Я прошу прощения, – меня окликнули, и я резко обернулась – передо мной стоял мужчина в таком же элегантном костюме и белых перчатках, как водитель. – Вас ожидают в другом крыле дома. Я проведу.

– Кто ожидает? Хозяйка дома?

– Нет, хозяин дома.

На лице ни одной эмоции, ни улыбки, ни презрения – ничего. Хозяин? Разве Лариса не говорила, что всем занимается его мать? Хотя, может, так даже лучше. Мысли о старой злобной ведьме пугали гораздо больше, чем мысли о ее сыне.

Наивная дурочка. Вот прямо сейчас надо было бежать отсюда без оглядки. Но я лишь озиралась по сторонам и с ужасом думала – как вот это все можно убирать и какой штат прислуги находится в этом доме? Пусть мне дадут какое-нибудь там крыло с парочкой спален и буду тихонечко наводить там порядок. Я же здесь потеряюсь.

– А меня Надей зовут.

Едва поспевая за… не знаю, кем он приходится в этом доме. Мне похож на тупого истукана, который проигнорил мой вопрос. Не очень-то они здесь гостеприимные и дружелюбные.

– А где комнаты для прислуги? Эй, вы меня слышите? Я с вами разговариваю.

На меня бросили странный взгляд, как на раздражающий элемент интерьера, но опять не ответили. Ладно, у всех свои причуды. Может, ему нельзя со мной разговаривать или он просто придурок. Второе больше было похоже на правду..

Коридоры казались мне бесконечными, а туфли на шпильках беспощадно жали ноги. Я все так же осматривалась по сторонам – внутреннее убранство дома всех оттенков бордового цвета. Очень красиво смотрится в сочетании с черной мебелью. Я словно попала в другой век, немного коробило от чучел голов животных. Они так низко висели на стенах, что, казалось, их стеклянные глаза смотрят прямо на меня, и мне было их ужасно жаль. Когда я была маленькая, отец принес с охоты зайца… После моей жуткой истерики мы его отпустили.

Внутрь дома солнечный свет не попадал, все окна плотно занавешены тяжелыми шторами и на стенах горят электрические свечи в подсвечниках. Полумрак мне казался приятным, но в то же время почему-то заставлял оборачиваться на удлиненные тени.

Это дом или лабиринт? Он же нескончаемый. Едва я об этом подумала, как передо мной открыли двойную дверь и впустили меня внутрь небольшой залы. Похоже на зал ресторана, только маленького. Такой же приглушенный свет, как и во всем доме. Я не сразу обратила внимание, что за столом кто-то есть, а когда услышала мужской голос, сильно вздрогнула:

– Надежда, если не ошибаюсь? Какое… интересное имя. Я бы сказал, говорящее. Девочка с солнечными волосами… При выборе меня поразили именно они.

Дар речи я точно потеряла и плохо соображала, что именно мне говорят.

Воздух сильным вздохом попал в легкие, а вот выдохнуть я уже не могла. Потому что узнала того мужчину… из телевизора. С тигриными глазами. Судорожно сглотнула и стиснула сумочку до хруста пальцев. Он встал из-за стола. Положил салфетку и не торопясь пошел мне навстречу. Каждый шаг – удар сердца в горле. Шаг-удар, шаг-удар. В нем настораживала даже походка. Она казалась мне хищной, словно зверь неумолимо крадется ко мне. Захотелось попятиться к двери. И это было самое правильное ощущение. Может быть, если бы я тогда попыталась уйти… Но я не попыталась. Ведь он подошел вплотную, и мне в ноздри ударил головокружительный запах парфюма и сигар. В пепельнице как раз дымилась одна из них. Вблизи ощущение мощной энергетики этого человека усилилось в тысячи крат. Он завораживал голосом и взглядом этих адских глаз. Вблизи я видела, что это не линзы – это его цвет. Роман Огинский. Я всегда плохо запоминала фамилии и имена, а вот его имя тут же всплыло в памяти. Нет, я его не услышала. А увидела. Огненные буквы, тающие в воздухе. И я не ошиблась, он не высокий, не намного выше меня, но при этом занимает все пространство вокруг себя. Каждое движение, поворот головы, слегка удивленный взлет бровей вверх.

Подавляющая харизма… и взгляд. Невыносимо тяжелый. Из-под широких век с длинными ресницами. Он проникает под кожу. Очень медленно. Очень осторожно. У него мужественное, выразительное лицо, привлекательное не красотой, а каким-то дьявольским магнетизмом. Он обошел вокруг меня, заставляя нервничать и тяжело дышать, впиваясь в сумочку все сильнее, и остановился напротив. Чуть закинув голову назад, смотрит на меня, улыбаясь уголком рта. И у меня начинают ползти по коже мурашки от этого взгляда. Мне нравится и не нравится одновременно. Но отвести глаза я просто не в силах… смотрю жадно и ничего не могу с собой поделать. Я не встречала таких мужчин никогда.

Мне он казался красивым, жутким и каким-то из совершенно другого мира. Даже из другой Вселенной. Светлая рубашка с распахнутым воротом открывала сильную мощную шею с ровным золотистым загаром и оттеняла его угольно-черные волосы. Кожа казалась гладкой и горячей. Да, от него исходил жар. У меня даже руки согрелись. Как говорила ординатор Ниночка – «да это же ходячий секс». И именно сейчас я поняла весь смысл этого словосочетания. И впервые в жизни у меня пересохло в горле.

– Добро пожаловать в Багровый закат. Тебе понравился дом, Надяяяя?

Я кивнула, все еще глядя в его янтарные глаза.

– Очень хорошо, – он улыбнулся, сердце забилось быстрее, потому что улыбка совершенно преобразила его лицо. Оно стало по-мальчишески озорным. Возле глаз появились морщинки, а зрачки заблестели. Я улыбнулась в ответ. А он вернулся к столу, взял дымящуюся сигару, потянул в себя дым, выпустил несколько колец в мою сторону, склонил голову к плечу и отчетливо вот этим своим спокойным голосом сказал:

– А теперь раздевайся.

Я втянула воздух и на выдохе переспросила:

– Нне поняла?

– Сначала трусики. Не спеша. Потом платье и лифчик. Чулки не трогать. Ну! Я жду!

Тяжело дыша, я попятилась назад. Ошарашенная. Едва удерживая равновесие на дрожащих ногах. А с его лица исчезла улыбка и глаза сверкнули как-то совершенно по-звериному, даже ноздри затрепетали.

– Эээто шутка какая-то?

– Разве похоже, что я шучу? Снимай свои тряпки, Надяяя. Я хочу видеть тебя голой. Сейчас.

Глава 4

У каждого безумия есть своя логика.
© Уильям Шекспир

Меня никогда раньше не унижали. Особенно мужчины. Особенно вот так. Вся краска сначала прилила к лицу, а потом отхлынула назад, и от злости задрожали кончики пальцев. Он что, решил, раз я устраиваюсь горничной, то со мной можно вот так? Что если я не его сословия, то уже заведомо шлюха? Я смотрела на наглого и самоуверенного ублюдка, и мне становилось все тяжелее и тяжелее дышать. Я никогда не оказывалась в такой ситуации… но я еще не боялась его. Где-то внутри остался трепет от дикого взгляда Огинского и от нечеловеческого магнетизма, обволакивающего собеседника, как паутина. Словно он обдумал каждый свой жест и каждое слово. И что еще хуже – он знал наперед, как на них отреагируют. Но был момент, когда мне вдруг показалось, что он в недоумении. Ровно секунду.

– С чего это? – спросила и сделала несколько шагов назад. – Вы что себе позволяете?

Его брови вздернулись вверх, и он ухмыльнулся. Больше мне его улыбка очаровательной не казалась. Она, скорее, походила на оскал, открывающий сбоку ряд ровных белых зубов. На какое-то мгновение мне стало страшно. Вспомнились журналисты, которые явно его боялись. С их-то профессией. Продолжая мерзко улыбаться, он сделал несколько шагов мне навстречу. Молча. Так же, как и я молча двигалась назад. Улыбка стала хищной, а глаза сузились и осматривали меня с ног до головы. Идет на меня, закусив ножку сигары зубами, и расстегивает на ходу светло-бежевый пиджак. Я с ужасом подумала о том, что я не помню, как бежать до выхода из этого дома. Я ведь даже не смотрела, какими коридорами вел меня Истукан в это крыло.

Огинский грациозно отшвырнул пиджак на пол, а я оступилась и чуть не упала, продолжая двигаться к двери и чувствовать, как на спине выступают капельки пота и становится тяжело дышать.

– Что… что здесь происходит? Я… закричу.

И глаза снова вспыхивают жутким блеском. Он мне не отвечает, но у меня ощущение, что его заводит все, что я говорю. Каждое слово вызывает очередную усмешку, а пальцы расстегивают рукава рубашки, отутюженной до идеала, со стоячим воротничком, тронешь – захрустит.

А мне становится все страшнее с каждым его шагом. Это ведь не игра. Совсем не игра. Не флирт. Не шутка. Меня явно приняли за ту, что не прочь вместе с уборкой спальни ублажать и ее владельца. Я уперлась спиной в стену возле двери.

– Не подходите ко мне! Вы что – чокнутый? Чего вы от меня хотите?

Глупый вопрос после того, как мне русским языком сказали раздеться. Он приблизился вплотную ко мне, все так же удерживая сигару зубами, сощурился от дыма, а я лихорадочно шарила по двери в поисках ручки. Вытащил сигару двумя пальцами и приблизил свое лицо ко мне, демонстративно шумно втягивая мой запах и медленно выпуская дым мне в шею. Щекотно, и в то же время, помимо страха, появляется странное томление вблизи от его рта. Противоречие на противоречии. Когда одна часть меня дрожит от ужаса, а вторая замирает от его близости. Но ведь это не флирт, Надя! Этот ублюдок считает, что в праве с тобой так обращаться!

– Женщиной… от тебя охрененно пахнет женщиной. Это такие духи? Или это запах твоей кожи?

У него очень глубокий голос. Он и успокаивает, и дразнит, и пугает одновременно. Коктейлем адских эмоций на грани.

– Зачееем? – тихо спрашиваю я, продолжая шарить пальцами у себя за спиной. Роман сжимает резко челюсти и смотрит мне прямо в глаза, бросает сигару на пол и давит носком

туфли. Но не дает отвести взгляд. Внезапно в его пальцах появляется зажигалка. Он что, снова собрался курить? Но Огинский вдруг подхватывает лямку моего платья на плече.

– Не двигайся, – все так же вкрадчиво произносит он, вспыхивает огонь, и он подносит его к материи. От ужаса я всхлипнула и вся сжалась.

– Одно движение, – шепчет, а в зрачках пляшут языки от зажигалки, как дьявольское пламя на костре для грешников, мне даже кажется, что они корчатся внутри его расширенного зрачка. Души женщин, которых он сжег. – И ты вспыхнешь как факел, Надежда, – опять этот оскал с подрагивающей верхней губой. Так чувственно и дико одновременно. О, божее! Боже! Он маньяк. Он чокнутый психопат!

– Горящая Надежда. Так символично… ведь никто раньше не видел, как она горит, но все однажды ее лишались. А сколько раз мы сжигали ее сами, но ни разу не видели, как она полыхает.

Говорит словно сам себе и проводит языком по губам. От страха, что он обожжет мне плечо, я не могу дышать, а он жжет материю, наслаждаясь моим ужасом, то глядя мне в глаза, то на огонь.

– Я ведь просил все это снять… Просил. Плохая девочка Надя. Тебя не подготовили к этой встрече? Не сказали, что ты должна со всем соглашаться и делать, как я сказал? Не сказали, что иначе можно сильно пострадать?

Кто подготовил? О чем говорит этот ненормальный? Кто должен пострадать?

– Я хочу уйти… отпустите меня, пожалуйста.

– Уйдешь, – хрипло отвечает он, не сводя взгляда с моей груди, и, отшвырнув зажигалку, рвет корсаж платья от горла до пояса, – мне начинает надоедать эта игра, малышка.

Дернул меня за плечо, привлекая к себе.

– Стань раком и оттопырь задницу. Хватит ломаться. Я целок не заказывал!

От его слов внутри все переворачивается и вместе с ужасом поднимается волна дикой ярости.

– Ты больной урод! Я тебе не шлюха!

Он хохочет. Внезапно. Громко и оскорбительно, запрокинув голову назад, а я вижу, как дергается его кадык, и мне хочется ударить богатого подонка. Но он вдруг силой впечатывает меня в стену так, что я больно ударяюсь затылком.

– А кто ты? М? Какого хера ты вырядилась в тряпки, которые я оплатил вплоть до трусов, и приперлась ко мне в дом? Поговорить о звездах? Ты пришла, чтоб тебя здесь оттрахали. За деньги. Так кто ты? Ш-лю-ха!

Отшвырнул мои руки, сжимающие разорванный корсаж, и зарычал, увидев мою грудь под черными кружевами, а я от страха громко всхлипнула. Схватил пятерней за лицо, приблизив свое почти вплотную.

– Это было бы забавно, если бы я этого хотел. А я желаю полного подчинения. Поэтому становись на колени и ползи к столу, я хочу посмотреть, как ты ползаешь, малышка. Если ты мне понравишься – завтра мы поиграем в целку, я обещаю. Ты поорешь для меня, когда я буду тебя рвать на части, как сучку.

Наверное, у каждого есть предел. Какой-то предел страха, предел унижения собственного достоинства, тот предел, когда внутри взрывается ядерная бомба и становится на все наплевать кроме желания разодрать обидчику лицо. И я так и сделала – впилась ему в скулу ногтями, изо всех сил отталкивая от себя, пнула каблуком чуть ниже колена и, дернув ручку, бросилась прочь из залы. На ходу снимая туфли, швыряя их куда-то назад, помчалась к лестнице, сломя голову вниз. Позади меня взревел Огинский, как раненый зверь. Я вскинула голову, не прекращая бежать, увидела, как он выскочил в коридор и проехался к пролету, скользя по мраморному полу своими начищенными до отвратительного блеска туфлями. Повел пальцами по

щеке и посмотрел на окровавленную ладонь, а потом расхохотался, как псих. Мне стало не просто страшно, а у меня от ужаса все в желудке скрутилось в узел.

– Беги, солнышкоооо, бегиииии, – заорал он. И меня словно хлыстом полоснуло. Надо не просто бежать. А мчаться отсюда сломя голову.

Я бежала вниз, через ступеньку, подворачивая лодыжки, чувствуя, как свалилась с волос заколка и они бьют по спине и по бедрам. Нескончаемые коридоры и повороты назад, в страхе, что догонит, но за мной никто не гнался. Я должна была понять, что это странно, но во мне бурлил адреналин. Он зашкаливал. Я тыкалась из угла в угол в поисках выхода. Нет, не кричала. Мне казалось, что, если закричу, меня обязательно догонят. Стены дома начали давить на меня, а волосы цеплялись за чучела. Сбиваясь с ног, я выдирала их клочьями, рыдая от страха, пока не нашла какую-то дверь и, толкнув ее, не оказалась на улице. Холодный воздух волной ударил в разгоряченное лицо. Как жутко снаружи. Все освещено бордовыми лучами. Он точно больной на всю голову, этот Огинский. Он не в себе. Как Лариска этого не знала. Я должна выбраться отсюда и все ей рассказать.

О, божеее! Я на улице! Да! Босиком по снегу, прочь от этого проклятого места к дороге. Но дороги с этой стороны дома не оказалось, только калитка в массивном заборе, ведущая в сторону лесопосадки. Я толкнула ее изо всех сил, но она была незапертой. Вспомнила, что за посадкой проходит трасса. Надо бежать туда. Может, я увижу машину… поймаю попутку, доберусь в город.

Вначале я не чувствовала холода от взорвавшегося в венах страха и адреналина после борьбы с чокнутым психом. А потом вдруг почувствовала, как порванные чулки прилипают к обледенелой тропинке. И я бегу среди деревьев в сторону дороги, с трудом различая в свете фонарей от дома эту протоптанную кем-то дорожку. Только бы выбраться к трассе.

Где-то вдалеке послышался лай собак, а потом в усадьбе выключили свет, и я оказалась в кромешной тьме. Оглядываясь по сторонам расширенными глазами и выдыхая клубы пара, я начала дрожать. В тишине отчётливо слышала собственный стук зубов. Лай собак начал приближаться, а у меня от ужаса по щекам потекли слезы. Вместе с осознанием – он не отпустит. Он играется со мной. Спустил по моему следу собак… и дверь, и калитка были открыты именно для этого, чтобы гнать меня по лесу как животное. Как их… чьи головы висят у него в коридоре. Мамочка… куда я попала?

Глава 5

Я – это я, а вы грехи мои
по своему равняете примеру.
Но, может быть, я прям, а у судьи
неправого в руках кривая мера…
© Уильям Шекспир

Азарт, вот что я почувствовал, когда ее увидел. Нет, не у себя дома. А намного раньше на видео и на фото, которые прислал мне Гоша. Внутри что-то щелкнуло. Я даже услышал этот щелчок. Мгновенный интерес, когда по телу проходит судорога предвкушения. Что-то в ней было такое неуловимо притягательное, заставляющее взвиться от желания взять и мять, разбирать, изучать, ломать и собирать заново. Она слишком настоящая, естественная не вытягивает в камеру губы, не принимает поз озабоченной самки богомола с раскоряченными ногами или оттопыренной задницей с прилипшим к спине животом. Меня такие не возбуждали уже давно. Я любил охотиться сам. Играться. Вот таких вот инстаграмных копи-пейстов вокруг был океан. Помани пальцем – и отсосут прямо на лестнице любого заведения, а то и на улице при камерах, лишь бы считаться девушкой Огинского. Смотрят как на бога, раззявив одинаковые рты, а в глазах доллары, как на игровых автоматах, щелкают. У меня на таких не стоял с тех пор, как я заработал свою первую сотню тысяч зелени. Сам. Первая сделка и бинго. Отец тогда подарил мне золотой портсигар и трехкомнатную квартиру, а сотню сказал вложить опять в оборот. Мой отец был умным сукиным сыном, и я всегда был похож на него, чем иногда гордился, а иногда люто ненавидел нас обоих. Особенно после того, как первый раз увидел его с другой женщиной. Мне было лет четырнадцать, я вернулся со школы, а он трахал мамину лучшую подругу на нашем обеденном столе. Я хорошо запомнил, как ритмично двигались его бедра, бряцала пряжка на приспущенных штанах, и сучка, которая еще вчера обнимала и целовала мою мать в обе щеки и называла «моя любимая Любочка», выла под моим отцом и грязно материлась, сжимая столешницу тонкими пальцами с ярко-красным лаком.

Отец увидел меня в отражении в окне на фоне темных штор, подмигнул и продолжил осатанело вбиваться в полное тело Анечки. Да, эту сорокалетнюю пышку они с моей мамой называли Анечкой. Потом он мне втирал, что это естественные физические потребности, что это как сходить в ресторан или справить нужду на улице и что все бабы – шлюхи и готовы раздвинуть ноги, если помахать у них перед носом стопкой зеленых бумажек. Он, конечно же, был прав.

Но тогда я видел, как мать рыдает по ночам в подушку, как замазывает синяки под глазами от бессонницы и пьет свои бесконечные антидепрессанты. Но она скорее бы отрезала себе язык, чем показала ему, что знает о нем с Анечкой. И я ее понимал. Потому что пока ты не знаешь о предательстве или делаешь вид, что не знаешь, ты еще не вывалян в грязи настолько, чем когда знал и закрыл на это дерьмо глаза. Ты еще хоть немного себя уважаешь. Самое паршивое в этой жизни – это потерять самоуважение. Пока ты сам себя уважаешь – тебя уважают и другие. Впрочем, мне всегда было плевать на других и на их мнение. Когда начинаешь интересоваться – кто и что о тебе думает, ты перестаешь быть личностью, а становишься еще одним примером шаблона, по которому принято жить, чтоб у других от шока или зависти челюсть не отвалилась. Мне было насрать на чужие челюсти и на то, как их владельцы спят по ночам, считая моих женщин и мои деньги. Потому что и того и другого у меня было до хрена.

Меня называли отшельником не потому что я был одинок, а потому что я был всегда один. Чувствуете разницу? Мне не нужна была толпа шутов и свита. Я предпочитал тишину и

уединение вечеринкам и приемам. И устраивал их лишь по большой необходимости. Но иногда мне становилось скучно, и я хотел поиграть. Тогда я звонил Гоше.

Анечку я трахнул спустя пару месяцев на своем дне рождения. Она сильно не сопротивлялась, развернулась задом, наклонилась и призывно прогнулась. Кажется, эта поза стала моей любимой с тех самых пор. Вроде как говорят, что своих самых первых помнишь всегда. Это правда, я помнил Анечкин зад и ее груди с сосками разного размера. Это все, что я в ней запомнил. Мне не нравилось ни то, ни другое. С тех пор я всегда любил маленькую грудь. Хотя я, несомненно, не гнушался всеми возможными и практически невозможными позами, в которые можно поставить, нагнуть, уложить или усадить свою любовницу или шлюху.

Мамина подружка недолго была нашей общей с папой любовницей, и в отличие от меня, он не знал о том, что я ее трахаю до него и никогда после.

Она его бросила ради меня, потому что я поставил ей такое условие. Ооооо, Анечка согласилась бы на что угодно, извиваясь подо мной, как прибитая гвоздями к столешнице бабочка, ведь у ее нежного горлышка подрагивало лезвие бритвы, и я с каждым толчком рассказывал ей, как перережу его от уха до уха, если она откажется бросить моего папочку, когда я произнес последнюю угрозу и сжал двумя пальцами ее клитор, она кончила, закатывая глаза, проклиная меня и называя конченым психом. Мне было плевать, что она думает по этому поводу, я заткнул ей рот членом и толкался в ее горло пока не залил его семенем.

Анечка сказала Огинскому-старшему, что бросает его ради меня, и папочка был ошарашен, он даже назвал меня сопливым ублюдком. На что я ответил улыбочкой и заверениями, что моя ублюдочность лучше любого теста днк доказывает, что я его сын. Урок был усвоен. Он больше никогда не трахал своих шлюх так, чтоб и я, и мама знали об этом. После Анечки я расширял и углублял свои познания в сексе всеми доступными мне способами, а иногда и недоступными.

Уже в универе я любил заполучать в свою постель этих тупых идиоток. Не умеющих держать ноги сдвинутыми и мечтающих о богатеньком лошке, покупающем им тачки и смартфоны. Только после меня их не могло утешить ни то, ни другое. Потому что я ломал их мечты. Я играл не по их правилам, а только по своим. Они мечтали больше никогда обо мне не вспоминать, а были и такие, кто не хотели вылезать из моей постели. Кому как повезло.

Я понял лишь одно – отец был прав, их можно покупать пачками. Всех! Вопрос только в цене. Захотел – заплатил – взял.

Огинский-старший развелся с матерью, когда мне было почти двадцать и собирался жениться на молодой породистой сучке-фотомодели. Но не смог… потому что на ней женился я, а он умер в тот же вечер от кровоизлияния в мозг. Оставив мне все свое многомиллиардное состояние. Впрочем, женатым я пробыл недолго. Моя милая женушка скончалась через год после свадьбы в этом доме. Вскрытие показало в ее теле наличие чужой спермы и кокаина. Через неделю любовник моей покойной супруги сгорел заживо у себя в однокомнатной хрущёвке. Конечно же, это был несчастный случай. На этом мой опыт женатого мужчины и завершился.

С тех пор я стал распущенным, избалованным сукиным сыном, который больше всего на свете обожал игру. Азартную игру. Высокие ставки. Интерес, предвкушение и адреналин. Когда у вас есть огромные деньги, вам становится невероятно скучно, а люди предсказуемы до оскомины на зубах. Вы знаете наперед, что они думают, что скажут, чего от вас хотят.

И вдруг мне впервые стало интересно. За долгие годы нескончаемой вереницы шлюх на одно лицо. Нет. Они были разными. Я никогда не выбирал один и тот же типаж. Я же не маньяк. Да, псих. Да, извращенец. Но не маньяк. Я почему-то никогда не мог вспомнить, как они выглядят и как их звали. Едва очередная игрушка переступала порог моего дома и уходила, я забывал даже – какого цвета были ее волосы, и не важно, что каких-то полчаса назад она

стояла на коленях и исступленно брала у меня в рот, а я впивался в женские волосы пальцами и насаживал ее на свой вздыбленный член… Хотя нет. Было у них нечто общее – я любил, когда у них длинные, шелковистые, натуральные локоны. Вот что было моим фетишем. Редким. Потому что сейчас невозможно найти натуральную. Все поддельное. Иногда становилось не по себе от мысли, что мне могут подсунуть и не женщину вовсе, а гениальную работу хирурга по смене пола. Я требовал натуральности. Это был единственный важный критерий при отборе новой игрушки. Я хотел эстетически наслаждаться, а не угадывать – что и где она подкачала силиконом и не лопнут ли ее импланты, если я сильно сдавлю ее грудь.

Мне одинаково нравились все и не нравился никто. Бывало, я не нуждался в игрушке годами. У меня были обычные любовницы, с которыми я появлялся перед папарацци. А потом накрывало, и я звонил Гоше. Так называли этого элитного сутенера, который находил девочек из любого уголка мира и на любой вкус.

Один взгляд на эти длинные светло-русые волосы и на тонкий овал лица с невинными огромными голубыми глазами, у меня тут же встал. Я ждал ее приезда. С предвкушением и болезненным стояком. Меня возбудило даже цоканье ее каблуков по коридору. Я представил, как она голая будет так же цокать ими по этой зале, отражаясь в мраморе пола.

Но эта сучка начала играть в какую-то странную непонятную мне игру. Словно не видела, как меня повело от нее и как я хочу ее трахнуть. Игру в оскорбленную невинность. Первой реакцией было взять за затылок, опустить на колени и заткнуть ей рот самым естественным способом. Но меня что-то остановило. Наверное, вот это смятение в ее глазах. У меня от него быстрее забилось сердце и налился кровью член. Я смотрел, как она сопротивляется, а сам жадно жрал взглядом ее кукольное лицо, розовые губы и длиннющие ресницы. Красивая игрушка. Безумно красивая. Хрупкая. Белоснежная. Ее кожа молочного цвета с просвечивающей сеточкой вен и эта грудь в обрамлении черных кружев, и торчащие маленькие соски. Я видел их очертание под ажурными узорами, и у меня покалывало кончики пальцев от желания сдавить их и посмотреть, как распахнутся глаза этой юной грязной куколки, которая так хочет казаться чистенькой.

Трогая кончиками пальцев раны на щеке, оставленные ее ногтями, я скалился, представляя, как она ими расцарапает мне спину, когда я буду долбиться в ее сочное тело.

Я смотрел, как открываются вольеры и выбегают наружу ротвейлеры. Строптивая шлюха оскорбила и разозлила меня. И мы с ней поиграем в мою самую любимую игру – догонялки. Она бежит, а я догоняю, чтобы схватить зубами и трепать насмерть перепуганную добычу. Мне нравилось видеть в их глазах страх. Когда они понимали, что перед ними не стандартный клиент, а я, ублюдок с огромными тараканами в голове, и со мной придется работать всеми частями тела, а не подсовывать мне свои дырочки и ждать, когда я их просто отымею. Это скучно. Иногда я мог их не трахать вообще. Мне хватало только игры. Я любил продумывать каждый пункт и отыгрывать с особой тщательностью.

За собаками я шел сам с фонариком и удавкой, чтобы оттянуть, если что, особо усердных. Но они были научены не трогать еду, пока я не разрешу. Игрушка была для них всего лишь едой, и, если бы я сказал «можно», они бы порвали ее на части и сожрали. Но, к счастью, я не поклонник хоррора и оторванных частей тела.

Холодный воздух приятно обдувал мое разгорячённое тело. Пока смотрел на камерах ночного видения, как она бежит от псов, спотыкаясь, натыкаясь на деревья, размахивая руками, мое дыхание и пульс учащались. Похоже, эта игра станет самой интересной за всю мою жизнь. Я шел по тропинке, не торопясь, докуривая очередную сигару и насвистывая… они загнали ее в маленький домик в самой глубине заповедника.

Тёмный, мрачный коридор,
Я на цыпочках, как вор,
Пробираюсь, чуть дыша,

Чтобы не спугнуть
Тех, кто спит уже давно,
Тех, кому не всё равно,
В чью я комнату тайком
Желаю заглянуть,
Чтобы увидеть…
(с) Король и Шут «Кукла колдуна»

Тихое рычание псов и всхлипывания Надежды… Хм. А я запомнил ее имя. Дал команду псам отступить. Нашел выключатель на стене, и помещение залил мягкий свет. Она зажмурилась и выставила израненные ветками руки перед собой.

А я смотрел на ее волосы солнечного цвета, и меня опять накрывало, как и на весь этот хрупкий облик, на лицо, залитое слезами. Вот и поиграли, маленькая.

– Вставай.

Смотрит на меня огромными глазами и не шевелится.

– Мне кажется, урок с непослушанием должен был быть усвоен. Или я ошибся? Мы можем повторить или изучить новый.

Отрицательно покачала головой и тут же встала. Платье превратилось в лохмотья, разорвалось сбоку по шву, и от вида стройной длинной ножки в порванном чулке я судорожно выдохнул и почувствовал, как дернулся напряженный до предела член. Содрал с нее остатки одежды. Когда щелкнул лезвием раскладного охотничьего ножа, она закричала, а я просто поддел лямки ее лифчика и отшвырнул его в сторону.

– Опусти руки.

Стоит, прикрывшись тонкими исцарапанными руками, скрестив их на груди и обхватив плечи дрожащими пальцами. И меня трясет от этого зрелища и от ее красоты. Эти волосы светлые и такие мягкие, тонкие, как облако.

– Опусти, я сказал.

Медленно опускает.

– Больной ублюдок.

Тихо, но я слышу… и мне плевать, потому что от вида ее голой груди у меня пересыхает в горле. От холода маленькие соски сжались и вытянулись. Мягкие очертание полушарий над ребрами и плоский нежный живот с аккуратным пупком завораживали. Потрогал кончиком пальца самую вершинку, обвел несколько раз розовые окружности и сдавил сосок. Девчонка всхлипнула, а я взял ее за подбородок и повернул заплаканное лицо к себе, продолжая натирать сосок большим пальцем. Вцепился взглядом в ее взгляд, удерживая и охреневая от того, какие у нее глубокие и отчаянно голубые глаза. Бездна неба и космос расширенных зрачков, а на пушистых ресницах дрожат слезы. Такая беззащитная, нежная, мягкая. Хочется одновременно и испачкать, и не трогать. До боли запульсировало в паху, и от напряжения начала подёргиваться вена на лбу. Мне надо было кончить. Немедленно. Сейчас. Вот так, глядя на нее вот такую трогательно чистую.

А потом взяла злость. Эта нежная, хрупкая и чистая взяла мои деньги и подписала контракт, в котором я по пунктам расписал ее добровольное оказание мне услуг интимного характера на протяжении всего времени, что она будет находиться в моем доме, в любое время суток и любыми способами, какими я пожелаю. И теперь ломает из себя загнанную овечку. Может, ее цена не устроила, или я не понравился. Потому что еще никто из игрушек не вел себя, как она. Никто не смотрел на меня с таким ужасом и презрением.

Взял ее за руку и потянул к своей оттопыренной ширинке.

– Расстегни. Я хочу кончить.

Глава 6

Еретик – не тот, кто горит на костре,
а тот, кто зажигает костер.
© Уильям Шекспир

– Да пошел ты! – сквозь зубы, потому что лихорадит от холода и от пережитого ужаса. Когда эти псы склонили ко мне исходящие слюной морды, я зашлась в немом крике, но не издала ни звука и не дернулась. Так и сидела, не двигаясь и глядя куда угодно, но только не им в глаза, и мысленно прощалась с мамой и Митей. Так жутко мне не было никогда в жизни. Мне вообще начало казаться, что я сплю и все это кошмар. Он скоро закончится. Я проснусь, и всего этого не станет.

Едва хозяин Багрового заката (господи, какое зловещее название у этого логова) толкнул дверь деревянного домика, в который меня загнали его псы-убийцы, я обрадовалась. Мгновенное ликование идиотки, которая сама пошла на закланье, а затем и новый виток страха. Он утончённее и выше на тональность. Как нарастающее крещендо в моем любимом реквиеме Моцарта. Потому что собаки попятились назад еще до того, как этот псих переступил порог домика. Даже в их глазах я увидела страх и уважение на грани с фанатизмом. Так более слабые хищники уступают добычу более сильному, расступаясь в стороны.

Он насвистывал знакомую мне песню… Я слышала эту группу. Но еще никогда слова, которые зазвучали в голове, не казались мне настолько зловещими.

Ты осталась с ним вдвоём,
Не зная ничего о нём.
Что для всех опасен он,
Наплевать тебе!
И ты попала!
К настоящему колдуну,
Он загубил таких, как ты, не одну!
Словно куклой и в час ночной
Теперь он может управлять тобой!

Он не кричал, не повысил голос ни разу. Его тон оставался ровным и спокойным, а я тихонько вздрагивала от каждого слова, как от удара или как от самого оглушительного крика. Потому что вопреки внешнему спокойствию его звериные глаза полыхали дикой похотью. Я ее чувствовала каждой порой и еще никогда в своей жизни не испытывала настолько давящее чувство, как от приближения полной необратимости. Он уже меня пожирал, но изнутри… и возникло жуткое ощущение того, что будет обгладывать, пока ничего не останется. Я успокаивала себя тем, что, если бы хотел убить, уже сделал бы это, но потом приходили на ум книги и фильмы про маньяков, и я понимала, что нет… это будет слишком просто для такого, как он. Сначала замучает. Но самым ужасным во всем было другое – от прикосновений его горячих пальцев по моей холодной коже пробежала зыбь мелких мурашек. Очень аккуратная ласка… осторожная, вкрадчивая и властная. Трогает инструмент, перед тем как дернуть струну за струной вместе с мясом. Проверяя и втягивая дьявольскими глазами каждую мою эмоцию, смакуя ее с триумфом.

И соски реагируют на ласку напряжением такой силы, что у меня потягивает внизу живота. Я списываю это на страх… да, ведь от страха возникает то же самое. Я читала об этом не раз. Притом он ни на секунду не дает забыть, что всего минуту назад у него в руках был нож. Может, Огинский (у меня ни разу не возникло желания назвать его по имени даже мыс-

ленно) и сейчас держит его внизу. Напряглась, кусая губы, чувствуя еще одну волну мурашек, когда повел ладонью вдоль ключицы, обрисовал всю грудь и сильно сжал сосок, зажал между костяшками, а потом потянул вперед и покрутил подушками пальцев, странно кольнуло между ног и дернулось, как удар пульса. Раз и еще раз. Прямо там. Под кружевными черными трусиками. Кроме них на мне ничего больше не осталось. Если не считать рваные чулки.

Больной на всю голову ублюдок схватил меня за руку и с ухмылкой похотливого подонка приказал расстегнуть ему ширинку. И меня снова захлестывает волной глухой ярости… но, скорее, из-за того, что заставлял чувствовать что-то странное. Окунаться изо льда ужаса в пламя неведомых ощущений. Они пугали меня похлеще всей этой дикой ситуации.

– Неправильный ответ, – наклонился ко мне и прошептал на ухо, колебания горячего дыхания опять вызвали волну мурашек и покалывание в напряженных сосках, один из которых все еще сладко ныл после сжатия, – если ты будешь послушной девочкой, я не стану тебя связывать, и еще много чего не стану делать из того, что тебе может не понравиться. А теперь расстегни мне штаны и возьми его в руку. Давай. Я жду. У тебя еще есть шанс доказать, что я не зря тебя выбрал.

Выбрал? Никто меня не выбирал! Конченый ты отморозок! Но крикнуть это вслух было страшно.

– Пошел к черту! – прямо ему в лицо.

– Я он и есть, малышка… разве ты еще не поняла?

И лезвие самым кончиком уперлось мне в живот. Холодное и острое.

– Расстегивай. Дааааа. Вот так.

А сам смотрит мне в глаза. И я вижу в их пламени свое отражение.

Тяну змейку вниз дрожащими руками. Я еще никогда не трогала мужской орган. Да я и видела его в Интернете, и то не рассматривая. Не важно почему… меня это смущало. Я стеснялась смотреть и говорить об этом. Ладонь легла на низ плоского рельефного живота и прошлась по поросли волос. Прикасаться к нему было не противно.

– Ниже.

Подтолкнул мою руку, и я перестала дышать, когда ладонь легла на его член. Твердый как камень. Гладкая, натянутая кожа и мощь. Даже не видя, чувствую, что он очень большой. Мои глаза расширились, а у него расширились зрачки и приоткрылся чувственный рот. Взял мою руку и поднес к своему лицу, повел языком по ладони, по самым царапинам. И я с остекленевшим от отчаянного удивления и оцепенения взглядом смотрела на его дьявольское лицо. С самым порочным выражением, какое только можно себе представить, он лизал мою ладонь и впился взглядом мне в глаза. Между ног снова кольнуло, и я свела их вместе.

– Обхвати, сожми и веди вверх. Вот так.

Обхватить не вышло, пальцы между собой не сомкнулись. Невероятно большой, горячий с бугрящимися венами, и кожа двигается вместе с моей рукой. Вся кровь прихлынула к моему лицу, и стало нечем дышать.

– Сильнее.

Я сдавила плоть сильней, и он выдохнул мне в лицо, закатывая глаза и тут же открывая, и глядя на меня. Когда почувствовала его пальцы, касающиеся резинки моих трусиков, дернулась.

– Тцццц. Не шевелись. Нож очень острый. Просто играй по моим правилам, и все будет хорошо.

А у самого подрагивает верхняя губа и взгляд плывет, становится пьяным, и от того еще страшнее. Скользит под резинку ниже к лобку, и я всхлипываю, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы от бессилия.

– Гладкая и маленькая… такая маленькая. Рукой двигай быстрее и смотри мне в глаза.

Повела ладонью вверх и взвилась, когда его наглые проклятые пальцы коснулись там, где кололо чуть раньше и начало неумолимо пульсировать сейчас.

– Влажная девочка… сверху прохладная и такая горячая внутри… особенно вот здесь.

Надавил, и я шумно выдохнула. Мне хотелось вышвырнуть его руку, мне хотелось не слышать этот проклятый голос, от которого покалывания вернулись, мне хотелось не чувствовать подушки его пальцев, потирающие меня между ног. От каждого его движения начало дрожать и томиться все тело. Так меня еще никто не трогал. Так. Как это делал он. Словно… словно знал, как надо. Но от этого захотелось кричать, потому что он ломал меня изнутри. Вот это все ломало… я этого не хотела. Нельзя человека принуждать, нельзя играть с телом, как с вещью. Вертеть и трогать. Нельзя. Это насилие. Наивная дурочка – это была прелюдия прелюдии, а не насилие. Я еще ни черта не соображала ни в боли, ни в принуждении.

Ненависть закручивалась в черный сгусток внутри… ненависть к нему и к себе за то, что чувствую. И следом появилась паника. Меня ею захлестывало еще сильнее, чем когда псы хватали за пятки.

Взгляд сцепился намертво с его взглядом. Вблизи лицо Огинского, и правда, было золотистого цвета. Оттенок аккуратного загара. В нем все было аккуратным. Даже его щетина на подбородке и четко очерченных скулах.

– Тебе нравится… Нравится то, что я делаю с тобой. Ты мокрая.

Пальцы двинулись дальше, слегка потрогали вход внутрь, от чего я всхлипнула и дернулась всем телом назад, а он выдернул их из трусиков и покрутил у меня перед глазами – они блестели в свете тусклой лампы. Огинский отвратительно, самодовольно улыбался.

– Нет… не нравится, – жалобно в надежде, что, может быть, он меня отпустит. – Не нравится!

Я услышала, как выпал нож, и он перехватил мою руку, стиснул ладонь своими горячими пальцами и начал двигать так быстро, что у меня заболела кисть. Сильные плечи застыли от напряжения, а на лице блестели мелкие капли пота. Мне еще раз пришло в голову, что он невероятно красив и при этом омерзительно гадок внутри. Словно ядовитая тварь. Запрокинул голову, сжимая мою руку сильно и властно, ускоряя темп, увлажняя мою ладонь, скользящую по его подрагивающей плоти. Такой бархатно-гладкой вверху.

А потом на пальцы брызнуло и потекло что-то горячее и липкое. Но я не могла отвести взгляда от его лица в этот момент – ничего более завораживающего я в своей жизни не видела, чем эта гримаса какой-то невероятно экстатической боли, от которой исказились черты и широко в хриплом стоне распахнулся рот. Пульсация между ног усилилась, и я стиснула колени, сопротивляясь этим ощущениям.

Огинский выдохнул и разжал свои пальцы, открыл глаза. Полусытый хищник со слегка пьяным взглядом и легким налетом раздражающего равнодушия. Поднял с пола кусок моего платья, вытер руку и подал мне. Свет упал на его лицо, и я отчетливо увидела полосы от своих ногтей.

– Вытрись, и пошли в дом. Первый раунд был неплох.

И паника вернулась, сильнейшей ледяной волной окатила с головы до ног.

– Какой раунд? Я хочу домой. Отпустите меня, пожалуйста. Я никому ничего не скажу.

Ухмыляется, расстегивая рубашку. Ненавистная плейбойская усмешка, красивая и раздражающая все рецепторы ненависти, какие только могут быть в человеке.

– Я не наигрался. Отпущу, когда мне надоест. Я еще даже тебя не трахал. Ты что, не читала контракт или ты еще и безграмотная? – рассмеялся своему остроумию. Самоуверенный и самодовольный ублюдок! – На, надень и пошли.

Швырнул мне свою рубашку. А я старалась не смотреть на его тело. Нарочно отворачивалась в сторону.

– Если бы я не знал кто ты, я бы решил, что ты смутилась… но это было бы смешно после того, как ты натирала мой член своей ладошкой. Бездарно, я бы сказал. Идем в усадьбу.

– Я никуда не пойду. Я не хочу у вас работать. Я передумала. Верну вам все деньги и…

Он расхохотался. Как в прошлый раз – оскорбительно и мерзко. Так мерзко, что мне захотелось его убить.

– Тебя из какого села привезли? Ты читать умеешь или считать? Нули в неустойке видела? У тебя таких денег даже к пенсии не соберется. Уйдешь, когда я решу.

– Я устраивалась к вам горничной, а не… не… шлюхой!

Обернулся ко мне и вздернул бровь.

– Какая интересная версия отказа от сделки.

Сделал несколько шагов в мою сторону и уперся руками в стену у моего лица, а я буквально закуталась в его рубашку и замоталась ею.

– Но знаешь, в чем ты просчиталась сейчас? Мне плевать, кем ты сюда устраивалась. Если ты хочешь махать тряпкой, мыть унитазы и периодически брать у меня в рот, и раздвигать ножки – я воплощу твои фантазии в жизнь. Ты ведь воплощаешь мои… Надеждааа. А теперь пошли спать. Я устал. У меня завтра важная встреча.

– Я никуда не пойду.

Он пожал плечами.

– Можешь оставаться здесь. А утром я устрою тебе еще одну пробежку по снегу с собачками. Им надо двигаться, жиреют зимой.

Так невозмутимо с ухмылкой в уголках губ.

– И это самое милое, что с тобой произойдет в этом доме, если я услышу еще одно «нет». Слушайся и, возможно, ты наскучишь мне быстрее, чем думаешь. Пошли.

Я сделала несколько шагов к двери следом…

– У меня брат умирает. Мне были нужны деньги. Отпустите меня, прошу вас!

Он даже не обернулся. Толкнул дверь, и до меня донесся его голос.

– А что изменилось сейчас? Они перестали быть тебе нужны? Или твой брат за эту ночь выздоровел?

– Я нанималась горничной! – уже почти рыдая.

– А будешь моей шлюхой. Делов-то. Зато больше денег. Пошли.

– Мне надо позвонить маме, пожалуйста!

– А бабушке с дедушкой не надо? В контракте было сказано о невозможности связи с внешним миром без моего позволения. Или ты его не читала? – бросил на меня презрительный взгляд. – Хотя это твои проблемы.

Я поравнялась с ним, не решаясь переступить порог и шагнуть в снег босыми ногами.

– Я босиком.

– И это тоже твои проблемы. Ты ведь решила побегать по улице, сбросив туфли.

– Будь ты проклят, больной подонок!

– И что это изменит в твоей судьбе, Надя? Меня поразят громы и молнии Божьего гнева? Кстати, мои пальцы все еще пахнут твоими проклятиями. И у них охеренно вкусный запах. Иди вперед так, чтоб я тебя видел.

Снег обжег ступни, и я вскрикнула, но ненавистный психопат даже не обернулся.

Глава 7

Отверженным быть лучше, чем блистать
И быть предметом скрытого презренья.
Для тех, кто пал на низшую ступень,
Открыт подъем и некуда уж падать.
Опасности таятся на верхах,
А у подножий место есть надежде.
Король Лир
© Уильям Шекспир

Я сидел в кресле перед монитором ноутбука и смотрел на девчонку, потягивая скотч и сбивая пепел с сигары. С тех пор, как ее провели в комнату и закрыли там на ключ, она не переставала рыдать навзрыд.

Нет, я не испытывал жалость. Мне вообще неведомо это чувство. Оно недостойное и ненужное ни тому, к кому его испытывают, ни тому, кто настолько слаб, что может себе позволить жалеть. А сочувствия и сострадания я лишился еще в юные годы, как ненужного балласта. В моем мире оно ни к чему. Я смотрел на нее по трем причинам, и все три меня выбивали из равновесия.

Первая – она мне нравилась. Да, она мне дико нравилась. Притом нравилось в ней все, даже ее странное поведение и ее слёзы. Ненавистные мужиками женские слезы, где я не отличился эксклюзивностью и дергался от раздражения, когда очередная подружка вытирала платочком слезу, выжимая из меня чек на какую-то херню, без которой, по ее мнению, она не может быть счастлива. Знаете, что мне нравилось в этот момент? Показывать истинную цену счастья и в чем оно заключается. Например, приказать при ней утопить ее любимую кошку в унитазе, а может, отправить на тот свет престарелую бабушку или сжечь оранжерею с цветами? Я смотрел, как они менялись в лице, бледнели, дрожали, и хохотал, заливался смехом. Интересовался – насколько они будут счастливы, если я выпишу чек с удвоенной суммой, но они лишатся чего-то очень любимого. И тут выплывают причины истинного счастья. Никто не готов расстаться со своими слабостями и привязанностями.

В этот момент я их ненавидел… Почему? Потому что у них было что-то кроме денег, что делало их счастливыми. Я им завидовал. У меня не было. Даже моя мать никогда не могла сделать меня счастливым, хотя и любила меня только одной ей понятной и специфической любовью.... Пожалуй, единственная в этом мире, кто меня любил. Своеобразно, но все же. Меня это не расстраивало. Мне гораздо больше нравилось, когда меня ненавидели и боялись. Партнеры по бизнесу, журналисты, конкуренты, политики. Деньги дают власть. Огромные деньги дают огромную власть. Все остальное лишь иллюзия выбора народа. Страх – вот истинная эмоция, которая правит миром. Тот, кто заставляет вас его испытывать – владеет вашим разумом. Все это фигня насчет чувства вины. Ложь безграмотных заграничных психологов и пафос цитаток, которыми пестреют аккаунты напыщенных идиотов, возомнивших себя умниками. Мне всегда нравился отрывок одного очень известного фильма, где главный герой убеждал конченого ублюдка, что прощать – это и есть истинная власть. И я был с ним всецело согласен, но не в том, что надо уметь прощать (тут мне сразу вспоминался Аль Капоне)*1, а в том, что власть – это не только иметь право выбора, а возможность предоставлять его другим… или не предоставлять.

Я снова возвращался мысленно к ней. Впервые мне нравилось женское имя, и я не просто его запомнил, а оно пульсировало у меня в висках, как мой член в ее неумелых руках всего каких-то пару часов назад. И эта неумелость завела похлеще самых изощренных и раскрепощенных шлюх. Меня это бесило и в то же время дразнило, как дикого зверя запахом крови.

Мне хотелось понять, что в ней такого особенного. Почему меня вскинуло, едва ее увидел. И не понимал… Смотрел на нее вот уже несколько часов и ни хрена не понимал.

Пытался найти что-то отталкивающее, но в золотоволосой малышке не было ни одного изъяна, за который я мог бы зацепиться и начать остывать. Нет, маленькая игрушка заводила меня все больше. Очень красивая маленькая игрушка. Идеальная во всех местах. Прикоснулся к ней пальцами и спустил, как прыщавый подросток. Нет, не потому, что трогал ее плоть, а потому, что меня адски скрутило от ее реакции на касание. Искренняя, настоящая, до безумия вкусная. Она взорвалась у меня в голове калейдоскопом самых ослепительных осколков наслаждения точно так же, как потом затопило чернотой от ненависти в ее взгляде.

Потому что, да, я, бл*дь, не привык, чтоб игрушки показывали свои эмоции, я достаточно много им платил, чтобы они играли для меня оргазмы, охали, ахали и закатывали глаза. Безо всяких истерик. Но она не истерила. Нет. Она просто смотрела на меня с такой лютой яростью, что мне хотелось ее раздавить или задушить… и именно поэтому, когда пронзительная голубизна ее взгляда подернулась дымкой возбуждения, меня как током шибануло. И всего вот этого стало ничтожно мало. Захотелось получить от нее намного больше. Сжирать ее эмоции. Каждую. Не важно какую. Они все имели обалденно острый вкус. Пряный, незнакомый мне ранее вкус непредсказуемости.

Вторая причина – ее слова о том, что устроилась ко мне горничной. Я не нанимал персонал с тех пор, как этим занялась моя мать. И я не вмешивался в этот процесс. Меньше всего меня волновала безликая, почти не появляющаяся на глаза обслуга в униформе. Ими руководил Антон – мой управляющий и начальник моей личной охраны. Он отбирал их и интервьюировал после первично отбора, он решал – кого и когда уволить, за что уволить и дать ли при этом выходное пособие. Мне лишь приносились бумажки для подписи, составленные моим юристом. Поэтому ошибки быть не могло, и сучка мне лгала. У меня было пару версий на этот счет, и мне не нравилась ни одна из них. Но больше всего бесила мысль, что я ей противен. Она засела занозой в мозгах и ковыряла меня изнутри. Захотелось узнать, а кто был не противен. Кто вообще касался ее тела и сколько их было. Раньше меня это не волновало никогда. Кого интересует – сколько раз и кто спал на гостиничной кровати, если она красивая. Выглядит идеально и все простыни новые, хрустящие и пахнут цветами? Их можно смять, испачкать и выкинуть в стирку, и назавтра забыть, как называлась эта гостиница. Так вот, мне вдруг стало важно, кто до меня трогал мою игрушку и из какого магазина мне ее привезли.

И третья причина – мне еще никогда не было настолько интересно играть. Я буквально взрывался от ядовитого удовольствия, когда она посылала меня к дьяволу и готова была расцарапать лицо. Я трогал эти царапины и улыбался. Меня захлестывало азартом, желанием измять, испачкать, потрогать изнутри, ставить там свои метки. А перед глазами стояла картина, как она идет впереди, едва ступая на носочках по снегу босыми маленькими ступнями. Стройная, тоненькая в моей рубашке, через которую просвечивает полоска черных трусиков, и эти волосы…. волосы божественны, я мог смотреть на них бесконечно. Они опускались ниже ее колен и раскачивались тяжелой золотой волной при каждом шаге. И эти чулки – один на щиколотке, а второй скрутился под коленом. Образ потрёпанной невинности. У меня зашевелился член, снова вставая, несмотря на то что я только что кончил.

Снова взгляд на экран – ходит туда-сюда по комнате, то закрывает лицо руками, то мечется у окна. Стала у зеркала, вытирает слезы, судорожно вздрагивая. И эти по-детски изогнутые губы… я никогда их не целовал. Своих шлюх. Их рот слишком во многих местах побывал, чтобы удостаиваться поцелуев. Я трогал их губы, я мял их пальцами, засовывал их туда и трахал. Я обожал их иметь и смотреть, как я их имею… но целовать. Я не целовал в губы даже свою жену. Покойную жену. А тут почему-то подумалось, что капризные губы солнечной девочки могут быть сочными и сладкими на вкус. И мне это не понравилось. Вот эти мысли.

Собрала волосы, тяжело дыша, закручивает в узел на макушке, а я снова смотрю на ее грудь под тонкой шерстяной голубой материей платья, выданного ей прислугой. Как у истинного любителя кукол, у меня была для них одежда. Ведь в них интересно играть по-разному. Не только раздевать, но и одевать, чтобы раздеть самыми разными способами. Иногда я больше любил смотреть, как они одеваются, чем как раздеваются.

Голубая ткань четко обрисовывает соски… и я тру палец о палец, вспоминая, какие они острые на ощупь. В паху снова все трещит по швам от болезненного стояка. Пошла в ванну. И я переключил камеры, продолжая наблюдать. Открыла кран и начала тщательно мыть руки. Сильно трет мылом. С остервенением, еще и еще. И меня вскинуло от ледяной ярости – это она после меня. Вот же тварь. Брезгливые мы? А взять деньги она не брезговала? Сучка лицемерная, как и все они. Придумала историю про брата слезливую, как в дешевых мелодрамах. Брат у нее умирает.

Лживая, как и Марта, жена моя покойная. Только та играла для меня любовь неземную, а я помнил, как она целовала в губы моего отца и называла «котиком» при матери. Потом она попыталась назвать котиком и меня, и долго не могла улыбаться, потому что я разбил ей губы. Я любил, чтобы они называли меня по имени. Кстати, моя игрушка ни разу не сказала его вслух. И мне вдруг ужасно захотелось узнать, как оно звучит ее голосом. И я узнаю. Уже сегодня.

Девчонка сняла платье и стала под душ, а я откинулся на спинку кресла и закинул ноги на столешницу, жадно рассматривая ее тело. Упругое, молочного цвета, точеное, словно фарфоровое. Меня возбудили даже ямочки на ее пояснице. Красивая шлюха. Шлюха, которая какого-то хрена говорит мне «нет». Может, я и извращенец, но я беру только если «да», каким бы это «да» ни было. Я заставлю его сказать и даже попросить. Потом мне может стать не интересно и даже эрекция пропасть… А эта дрянь упорно повторяла свое «нет» каждым жестом и каждым взглядом. Именно поэтому мне дико хотелось ее сломать и именно поэтому мне дико хотелось ее трахать до потери пульса.

Взял трубку внутреннего телефона и набрал Антона.

– Пусть моей гостье принесут коньяк и апельсин. Скажи, я распорядился, чтоб выпила и съела.

Поставил телефон на место и снова посмотрел на нее. Плачет. Опустилась на мраморный бордовый кафель и захлебывается слезами. Приблизил изображение еще и еще ближе. Красивая, даже когда плачет. Мне вдруг до боли захотелось увидеть, как она кончает. Вот такая в слезах… как она запрокинет голову и захлебнется криком, как закатятся эти синие глаза и задрожат ажурные черные ресницы.

Взял сотовый и набрал Гошу.

– Кто эта Надя, которую ты мне подсунул?

– Тщательно отобранная для вас девочка, Роман Павлович.

– Ты мне лжешь. А я не люблю спрашивать дважды, но я сделаю для тебя исключение. Что за неопытную шлюху ты мне подсунул и где ты ее взял?

В трубке повисла тишина.

– Я жду.

– Нннне знаю. Ларка привела в офис, и она каким-то образом попалась мне в коридоре. Увидел, что это ваш типаж и… если вам не нравится, я найду другую за наш счет. Я могу прислать за ней машину. Духу ее в вашем доме не будет. Вот сучка драная… Я же сказал Ларке – проинструктировать.

– Заткнись. Хватит причитать. Я не сказал, что ее надо менять, я спросил – кто она и где ты ее взял.

– Ларкина какая-то знакомая. Я не думал…

– Думать, Гоша, надо всегда. Желательно головой. Иначе потом без головы думать будет нечем.

– Роман Павлович, это первый раз такая ошибка.

– Я тебе на счет кинул еще денег. Мне понравилась твоя ошибка. А теперь узнай мне о ней все. Носом землю рой. Я хочу знать, когда родилась, где, кто ее мать и отец, где училась и работала. Чем дышит, чем увлекается, какого цвета трусы носит, когда последний раз была у гинеколога, с кем трахалась и трахается сейчас. У тебя времени до вечера.

Отключил звонок и решительно встал с кресла. Я хотел играться дальше. Моя игрушка манила и влекла меня к себе с дикой силой. К дьяволу сон. Посплю днем после встречи с ублюдком итальяшкой, который имеет мне мозги еще с прошлой недели и не подписывает контракт, а я еще не нащупал и не нашел, куда можно надавить посильнее, чтоб подписал.

Сейчас я хотел есть… у меня проснулся зверский аппетит, и есть я хотел не в одиночестве. Я достаточно заплатил за то, чтобы она садилась со мной за стол даже в шесть часов утра. Зазвонил внутренний телефон, и я услышал голос Антона:

– Она вылила коньяк, раздавила апельсины – ковер безнадёжно испорчен.

Я ухмыльнулся. Какая отчаянная девочка.

– Ты считаешь, что меня должен волновать ковер и мера его испорченности? Пусть ей принесут одежду к завтраку, и прикажи накрыть стол в южном крыле дома в прозрачной комнате. Мне как обычно, а для неё меню.

– Отправить к ней Кристину?

– Нет. Пусть умоется, переоденется и спустится к завтраку.

Чуть помедлил и добавил:

– А если откажется, позови парней и приведите ее насильно.

Глава 8

Гниющие лилии пахнут намного хуже, чем сорняки.
© Уильям Шекспир

Они тащили меня по лестнице вдвоем, а я сопротивлялась как могла, пиная их ногами, кусая за руки. Никто здесь не будет делать со мной то, что хочет. Такая дурочка… и самое мерзкое, что я понимала, насколько я глупая. Будет. Тот зверь, что здесь живет, он уже делает со мной все, что хочет. Даже если я буду кричать и взбираться на страшные стены темно-кровавого цвета, никто не обратит на меня внимание. Все эти пластмассовые манекены с равнодушными лицами сами боятся своего хозяина до смерти. Они, скорее, будут смотреть, как кого-то из них режут на части, чем пошевелят хотя бы пальцем, чтобы помочь. И это уже не равнодушие. Нет. Это страх. Человек, живущий в этом доме, внушал им панический ужас перед собой. Я это поняла, едва они втолкнули меня в одну из комнат. Очень светлую, похожую на аквариум изнутри. Такого же мрачного цвета, как и весь дом, но из-за огромных окон, которые являлись практически ее стенами, кроме той, что за моей спиной, она казалась более светлой, чем остальные. И мне почему-то в ней стало страшнее, чем в том темном лесу с собаками. Монстры живут не только в ночном мраке. Мой монстр сидел за столом в белой рубашке со свежей газетой в руках и смотрел на меня, как на завтрак. А за его спиной занимался рассвет.

Огинский посмотрел исподлобья на своих людей и взглядом показал на дверь, а я метнулась было за ними, но тут же уткнулась лбом в деревянную поверхность, и глухой удар с автоматическим щелчком разнёсся эхом внутри, и я полетела в пропасть паники. Так и стоять, и не смотреть на него. За какие-то несколько часов он мне начал казаться самым жутким и ненавистным человеком во Вселенной, и еще мне казалось, что я знаю его ужасно долго.

Подошел сзади, и я зажмурилась, чувствуя омерзительный запах и в то же время самый сумасшедше-вкусный из всех, что я ощущала когда-либо. И за это ненавистный еще больше.

– Доброе утро, солнечная девочка.

– Чтоб ты сдох. Трижды и четырежды, и еще сто раз.

Тронул мой затылок все такими же горячими пальцами, а я дернулась как от удара.

– Тццц, как некультурно и невежливо. А знаешь, – губы зашелестели у самой кожи, а пальцы поглаживали чуть ниже кромки волос, – страх невероятно сближает. Намного быстрее, чем влечение или любовь. Стирает все границы и рамки приличия в одно мгновение. Страх превращает человека в животное за доли секунды, пробуждая самые древние первобытные инстинкты. Вряд ли ты бы была так невежлива с чужим человеком, правда, малышка?

Словно прочел мои мысли. Он прав. Я ненавидела его уже целую вечность, а не несколько часов. Я родилась с этой ненавистью к таким вот подонкам.

– Посмотри на меня. Я хочу увидеть твои глаза.

– Я не твоя вещь, я человек. И я требую отпустить меня домой. Тебя за это посадят, сумасшедший ублюдок!

– Оооо, мы даже на ты. Видишь, какой прогресс всего за несколько часов.

Убрал руку, и я с облегчением вздохнула, но совершенно напрасно, потому что через мгновение пальцы впились мне в затылок, и он развернул меня к себе насильно и впечатал в дверь. Волосы упали на лицо, а сукин сын аккуратно убрал их назад до последней волосинки.

– А теперь слушай меня внимательно, Надяяя, и запоминай. Потому что я больше не повторю. Здесь все происходит только так, как я сказал, и с момента, как ты переступила порог моего дома – ты моя вещь. Более того, я за тебя заплатил. То есть я тебя купил. Как в магазине. А ты поставила подпись на чеке.

Говорит резко, грубо, но не кричит. И от этого сила его голоса не становится менее мощной, а наоборот, он вгоняет каждое слово под кожу и наслаждается той болью, что они причиняют. И в то же время его пальцы ласкают мою скулу. От мочки уха к подбородку и по шее, заставляя мелко подрагивать.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю. Это правило номер один.

И от этого властного тона я не посмела не поднять на него взгляд. Это вышло само собой. И встретившись с тигриным взглядом, тихо выдохнула. Невыносимые глаза. Тут же впиваются в мой взгляд и намертво. Лишь на секунду оторваться, чтобы осмотреть ненавистно-красивое лицо вблизи. Свежий, словно спал всю ночь, волосы влажные после душа и пахнут шампунем. Возле глаз все те же озорные морщинки, которые кажутся чудовищными в облике этого монстра, потому что заставляют на секунду забывать, какая жуткая тварь стоит перед тобой.

– Умница, – погладил подбородок большим пальцем, – правило номер два – ты делаешь то, что я говорю, и за это получаешь от меня бонусные баллы.

– Мы что, на распродаже? – огрызнулась я, а его чувственные слегка влажные губы растянулись в невероятно ослепительной улыбке.

– Хуже, малышка. Распродажа закончилась. Товар у хозяина, и он раздумывает воспользоваться ли им, не бракованный ли он.

– Может, стоит его вернуть обратно, – шепотом, не в силах оторвать взгляд от белоснежных ровных зубов.

И вдруг рука сильно сжалась на моем горле, перекрывая кислород.

– Нееет, это слишком просто. Ведь его можно ломать… Отрывать по куску и любоваться, как он распадается на части в моих руках.

От неожиданности я распахнула глаза и втянула воздух, а он удерживал за шею и водил по-прежнему большим пальцем по моему подбородку.

– А третье правило, – посмотрел на мои губы и облизал свои, а потом засмеялся, – его нет. Просто три звучит интереснее.

Разжал пальцы, и я закашлялась, а он с невозмутимым видом рассматривал мое лицо и приглаживал мои волосы за ухо. Потом повертел перед моим носом сотовым телефоном.

– Вот это – бонус… малышка. Правда, ты его хочешь? Позвонить… маме, кажется?

Я инстинктивно хотела схватить аппарат, но ублюдок убрал руку дальше.

– Его надо заслужить.

Как же я его ненавидела в этот момент, до слез, до дрожи в коленях и сведенных скул.

– Итак, условия получения бонуса. Ты переоденешься в ту одежду, что я дал. При мне. Ты со мной поешь. И ты возьмешь у меня в рот. Твои губы созданы для того, чтобы ублажать меня.

Я задохнулась, а он вернулся за стол. Положил сотовый на прозрачную столешницу и с отвратительной улыбочкой подтолкнул его в мою сторону.

– И я забыл сказать… ты ведь все равно это сделаешь. Но уже по-плохому. У тебя есть выбор, малышка. Я его даю далеко не всем. Считай, что и это твой бонус.

Откинулся на спинку кресла и поднес чашку к губам.

– Я жду… Пока не остыл мой кофе.

– Я не хочу никому звонить.

Наверное, если бы я его ударила, он бы удивился меньше, чем в эту секунду. Чашка застыла у его рта. Да, ублюдок. Не будет, как ты задумал! Языки пламени в его глазах кажутся живыми. Шевелятся и извиваются, то ли отражая пламя камина, то ли это игра моего воображения.

– Я хочу другой бонус.

Рука с дорогими часами и жгутами вен на запястье медленно опустилась, и он поставил чашку на стол. Не задает вопросов, просто выжидающе смотрит. Как же тяжело выносить его

взгляд. Он действует на нервы своей пронзительностью. Кажется, меня прибили гвоздями и препарируют, при этом с особой тщательностью наматывая нервы на скальпель.

– В моей сумочке лежит конверт с вашими деньгами.

Тигриные глаза сузились, и пальцы один раз постучали по столешнице, сверкая перстнем с черным камнем на безымянном, закрывающим почти всю фалангу. Я вспомнила, как эта рука перехватила мою, заставив сомкнуться на его члене, и вся кровь бросилась мне в лицо. Да, мы стали друг другу ближе за эти часы намного больше, чем я с тем же Стасом за пару лет.

– Там же, в карманчике, есть номер расчетного счета фонда. Пусть ваши люди положат деньги на него, на имя Самойлова Дмитрия.

В комнате повисла тишина, она заняла ровно несколько секунд. Огинский взял в руки газету и швырнул ее на диван, отодвигая пепельницу, снова посмотрел на меня. Нет, я больше не искала в нем жалости и сострадания. Их там точно нет.

– Мой кофе почти остыл.

Это означало «да»? Я вообще не понимала этого человека. Не понимала, зачем ему это все? Если он ожидал шлюху, то какого черта, поняв, что я не собираюсь выполнять его прихоти и ублажать его – не заменить меня на другую? Но больше всего меня заботило, чтоб мама получила обещанные ей деньги. И ради этого…, наверное, ради этого я была готова на все. Или почти на все. Ведь он отпустит меня, когда все закончится? Я искренне на это надеялась. Я все еще была наивной девочкой.

Сняла через голову шерстяное голубое платье, оставшись в трусиках и лифчике, и потянулась за пакетом, стоящим на кресле, как вдруг услышала его голос. Чуть хрипловатый, как будто севший.

– Не одевайся. Иди к окну.

Взгляд Огинского заполыхал, как там, в том домике, и меня обожгло волной ярости с примесью какого-то трепета, как будто внутри метались бабочки со стеклянными крыльями и при каждом взмахе резали мне плоть. Во мне все противилось подчинению. Мне хотелось сделать назло. Не пойти, разбить окно, расцарапать лицо мерзавца. Но вместо этого я пошла к окну, как он сказал. Словно покорная кукла.

– Положи руки на стекло и раздвинь ноги.

В металлических нотках его голоса было что-то едкое. Что-то, заставляющее делать так, как он сказал. Встал из-за стола, а я вся внутренне подобралась. Пусть не подходит ко мне. Пусть не смеет вообще ко мне подходить. Солнце выкатывалось из-за горизонта очень медленно, и багровые лучи потянулись вместе с тенями по снегу, словно подбираясь к подножию усадьбы. Проклятое место. Я должна была бежать отсюда без оглядки в самом начале. Огинский опять стоял позади меня, и эта близость пугала и нервировала одновременно.

– Я люблю встречать рассветы именно здесь. Ты скоро выучишь, где и в каких частях этого дома я провожу время.

Мне плевать – где ты, ублюдок, любишь встречать рассветы. Лучше бы ты их вообще больше никогда не встретил.

– Теперь ты будешь встречать их вместе со мной. Мы познакомимся поближе. Раскрой ладони и положи на стекло. Да, вот так.

От пальцев потянулись подтаявшие пятна, и ладони обожгло холодом. Мне вдруг подумалось, что при других обстоятельствах Огинский мог бы ужасно мне понравиться.

– Я расскажу тебе страшную сказку, у которой есть два варианта конца. Когда я закончу – ты для меня кончишь.

– Скорее, сдохну!

– Ты знаешь… французы это называют смертью. Маленькой смертью.

Прошелся пальцами по моим плечам, лопаткам, очертил рисунок позвоночника, заставив выпрямиться и выпятить грудь. Руки скользнули вперед и дернули чашечки лифчика вниз.

Его дыхание участилось, ошпарило затылок, и мое стало прерывистым и горячим вместе с ним. Я напряглась еще больше, потому что не хотела, чтоб он меня трогал. Но понимала, что это неизбежно. Он тронет. Тронет столько, сколько захочет. Я лишь молилась, чтобы ничего при этом не почувствовать. Но я еще не понимала, что он намного опытней меня и знает, как заставить мое тело играть ту мелодию, что он хочет.

– Однажды в старую лавку пришел купец. Он хотел купить часы для своей жены. – пальцы обхватили затылок и слегка подтолкнули меня вперед, заставляя коснуться стекла сосками, которые тут же сжались от соприкосновения с холодом, и по телу прошла неожиданная дрожь. Мужские ладони обхватили мою грудь и намеренно повели кончиками по ледяному стеклу. – Ты вся горишь, а холод заставляет тебя покрыться мурашками… и ты ненавидишь свое тело… Купец сказал ему, что в лавке продается всего лишь две пары часов. Золотые и деревянные.

Провел ладонью сбоку по ребрам, двинулся вниз к резинке трусиков, скользнул под нее назад к ягодицам. Сжал сильно, до боли, заставив всхлипнуть и задрожать от его гортанного низкого выдоха. Дьявольский голос и эта осторожная ласка заставляли замирать от странного удовольствия, которое злило, напрягало и сводило с ума.

Ненависть смешивалась с непонятным томлением от этих касаний. Искуситель… каждое слово вспарывает нервные окончания, дразнит, щекочет, как тонким опасным лезвием. Пусть бы лучше бил и причинял боль. Это было бы естественно, так проще бояться и ненавидеть. Его. Не себя. Себя мне ненавидеть не хотелось – это слишком больно, осознавать себя ничтожеством или животным с самыми первобытными инстинктами.

– Купец обрадовался и спросил цену. А когда услышал, расхохотался.

Почему? Почему я так реагирую на этого мерзавца? Что с ним такое, черт возьми, и что такое со мной? Я чокнутая, как и он? Пусть отпустит меня… я не могу так.

– Зачем я вам? – вырвалось из пересохшего горла, когда мне раздвинули коленом ноги, подбивая снизу ступни носком начищенной до зеркальной поверхности туфли. – Вы мне противны до омерзения. Каждое ваше прикосновение хуже смерти…

Ладонь резко зажала мне рот.

– Золотые часы стоили один доллар и деревянные сто долларов.

Пальцы другой руки скользнули к груди. Поиграли с соском, сильно сжимая кончик, оттягивая и заставляя дергаться и извиваться, чтоб вырваться, но подонок прижал меня к стеклу, вдавил в него всем телом. И я чувствовала спиной его сильную мускулистую грудь, и как колотится глухо его сердце, почти так же, как и мое, если не сильнее.

– Когда купец, естественно, выбрал золотые часы, лавочник сказал, что их можно забрать лишь после того, как тот подпишет бумагу, в которой обещает после своей смерти оставить лавочнику тысячу долларов и эти часы.

Рука нагло проникла мне между ног, я замычала, заскользила ладонями по стеклу, но мужские пальцы уже двигались между складками плоти, заставляя взвиться от уже знакомого ощущения дикой пульсации. И я уже не знала, я извиваюсь, чтобы вырваться, или потому что мне нравится то, что он делает со мной.

– Это была точно такая же сумма, которая лежала у купца в кармане. Тот пожал плечами – он не стар и умирать не собирался, почему бы не подписать? Тем более часы поблескивали и манили драгоценными камнями. Протяни руку и возьми. Такая выгодная сделка.

Этот голос. Господи, почему у него такой невыносимо красивый хриплый голос? Он дразнит каждый напряженный в теле нерв, как и его ласка. Грязная, такая омерзительно грязная, как и весь он. Испорченный, циничный сукин сын, привыкший получать от жизни все. Раздвигает нижние губы, и я хватаю его за запястье так обреченно бесполезно, потому что он растирает ту самую пульсирующую и набухающую от каждого скольжения точку. Растирает медленно, не обращая внимание на то, как я царапаю его руку.

– Купец… какая же ты горячая, малышка, такая острая и твердая там… он подписал бумагу… даааа, твою мать, потеклааа девочка, – так пошло… так пошло-прекрасно звучат эти слова контрастом с его грубой наглостью, палец спустился вниз к самому входу и слегка вошел внутрь, заставляя меня снова начать дергаться, – какая же ты маленькая здесь. Тссс… расслабься, тебе же нравится. – и рывком на всю длину так, что зашлась, закатив глаза и выгнувшись назад.

Все замелькало и закрутилось под зажмуренными веками, я хватала воздух широко раскрытым ртом и дрожала как в лихорадке. Внизу живота зарождалась странная тяжесть. Сладкая боль, которую я никогда раньше не чувствовала. Я словно видела, как его сильные мужские пальцы с аккуратными ногтями растирают мою розовую плоть вкруговую умелыми властными движениями… Я представила это, и ощущение, что я сейчас умру, усилилось. Болезненно остро и так сладко колет самый кончик бугорка под его лаской, обвивает спиралью, тянется вниз, где палец ритмично и сильно входит в меня, чтоб тут же выскользнуть, размазывая влагу по вздрагивающему клитору и заставляя зайтись стоном-мычанием под его ладонью, зажимающей мне рот.

Та странная боль накрывает остро и медленно, отступая и снова сильными волнами захлестывая сознание. Задыхаясь, как в агонии, пытаюсь все же вырваться, испуганная, взмокшая и дрожащая, но он держит мертвой хваткой. И я чувствую спиной, как напряглись мышцы на его груди и стала влажной рубашка.

– Когда довольный своей покупкой купец выходит на улицу с золотыми часами в подарочной коробке, порыв ветра срывает железную вывеску…, попросишь меня не останавливаться, Надяяя? Ты ведь уже близко?

Не знаю к чему… но, да, я близко. И мне хочется закричать, чтоб не останавливался, и в то же время проклясть его и убить за это унизительное понимание, что я в его власти. Сотрясаясь всем телом, срываясь на рыдание, дрожа, как от адского удара тысячами молний, я прошептала протяжное «нееет».

Огинский умело сжал мой подрагивающий узелок, и оглушительно сильный экстаз, вспыхнувший от кончиков его пальцев там внизу, ослепил взрывной волной, окатившей все тело, заставившей забиться в его руках, судорожно сжимаясь мышцами лона вокруг все так же ритмично двигающегося внутри пальца под рычание Огинского, который уже буквально раздавил меня весом своего дрожащего тела.

– Купцу отрезало голову, она покатилась к крыльцу магазина. К самым ногам лавочника, – он говорил это, пока я сокращалась в мучительном болезненно-ослепительном наслаждении, которого раньше никогда не испытывала. От остроты ощущений у меня по щекам текли слезы. – Часы и тысяча долларов были отданы лавочнику, а жизнь купца стоила всего один доллар. Но он мог купить часы за сто долларов. Самые простые с золотыми стрелками и вечным механизмом.

Прижал меня к себе, подрагивающую, извивающуюся в его руках, ненавидящую себя за это унижение. Продолжает шептать на ухо, продлевая агонию наслаждения своим проклятым голосом и пальцами, поглаживающими чувствительную плоть.

– Никогда не стоит заключать сделку с дьяволом, как бы заманчиво она не звучала.

Я плакала с закрытыми глазами, а он ласкал меня там внизу, заставляя вздрагивать, и продолжал шептать.

– А говорила – омерзителен, и так сладко кончила… это был твой первый оргазм, малышка, верно? И ты продала его мне за звонок по телефону… дешево, не находишь? Я бы заплатил за него намного больше, если бы ты мне не лгала.

Убрал пальцы от моего рта.

– Звони. Я никогда не нарушаю обещаний.

Я тяжело дышала и едва стояла на ногах. Это было намного более сильным унижением, чем если бы он заставил меня сделать то, что он хотел. Огинский заставил меня его захотеть… и это намного хуже любого насилия над телом. Он насиловал мою душу и наслаждался каждой секундой этого насилия.

– Я просила другой бонус.

– А я разве сказал, что собираюсь менять награду? Хочешь другой бонус? Его надо заслужить. Одевайся, садись за стол, и мы обсудим пункты сделки еще раз. Я буду задавать вопросы, а ты на них отвечать. Честно отвечать.

– Я не хочу ничего у вас заслуживать. Пока вы не сделаете то, что я попросила, я не выполню ваших пожеланий.

Ухмылочка, за которую хочется расстрелять в упор. Я даже представляю, как в нем появляются дыры и он истекает кровью

– А ты, я смотрю, не такая уж и дура.

– А вы все же такой же подонок, как я и подумала при нашей первой встрече.

– Ай-яй-яй, ты хочешь меня задеть, малышка? Ты, правда, думаешь, что у тебя выйдет, м?

Я ничего не думала. Только о том, что, если когда-нибудь мне попадётся в руки оружие и он повернется спиной, я зарежу его без колебаний.

– Звони! – и он впервые повысил голос. – Пока я не передумал!

Едва я протянула руку к телефону, он вдруг его забрал и сунул в карман.

– Я уже передумал.

– Почему? – простонала я, не понимая, как бегу за ним следом, пока он идет к двери.

– Потому что мой кофе остыл.

Едва распахнул дверь, его истуканы тут же вытянулись, глядя на него, как на бога.

– Заприте ее. Никуда не выпускать, пока я не вернусь из поездки.

Я не поверила своим ушам. Он серьезно?

– Пусть посидит, подумает с недельку.

У меня волосы встали дыбом, и сердце забилось до боли сильно так, что я задохнулась.

– Неделю? Я не могу неделю. У меня нет недели! Нетууу! Меня будут искать! У меня есть кому! Вы слышите? Вы не посмеете держать меня здесь неделю!

– Как и выбора. Его у тебя тоже больше нет. Хотя ты можешь придумать, как тебе выйти оттуда раньше. Я с радостью выслушаю твои варианты, – отрезал ублюдок и растворился в полумраке коридора.

Глава 9

Меня можно расстроить, но играть на мне – нельзя…
© Уильям Шекспир

Я смотрел, как внизу вихрем проносятся машины и лучи солнца путаются в крышах, прошивая снег фальшивым не долгосрочным алмазным блеском. Улицы Рима припорошило легким снегопадом, но белое покрывало тут же начало покрываться черными дырами проталин. Где-то фоном что-то говорил переводчик, и до меня доносился голос Берарди. Мне не нужно было его слушать, я и так знал, что Грациано увиливает от сделки. И сейчас его нервирует моя спина и то, что я не вмешиваюсь в его разговор с моим советником и заместителем Марком. Я же смотрел, как снег на крышах переливается в солнечных лучах, и мне почему-то показалось, что, наверное, так же он переливался бы в Надиных волосах. В своих мыслях я называл ее по имени. Оно въелось мне куда-то в подкорку мозга и пульсировало там назойливой болью. Целый день я чувствовал ее запах на манжетах рубашки и у себя на лице. Он мне мешал думать и работать. Это раздражало. Особенно навязчивые мысли о ее теле. Я то и дело видел его перед глазами в разных ракурсах, и меня бросало в жар. Интересно, сколькие вот так западали на золотоволосую сучку? И что будет, когда я ее трахну? Я мог это сделать утром. Но не захотел… что-то в ее словах стопорило меня. Останавливало и доводило в то же время до исступления. Я никогда не брал женщин силой. Насиловать и рвать на сухую неинтересно. Мне нравилось насилие совсем иного рода. И больше всего я обожал видеть, как они извиваются от похоти. Поджариваются на огне своих грязных фантазий и готовы лизать подошву моих туфель, лишь бы я прекратил пытку и дал кончить. Я брал их тела и их падшие души. Мне нравилось нанизывать их на ниточку и развешивать гирляндами в уголках своей памяти вместе с ценником. А она тряслась в моих руках и ни о чем не молила… кроме как отпустить ее. Хрупкий белый цветок, его хотелось смять, сдавить, оторвать лепестки и в тот же момент становилось жаль расставаться с ароматом, который она источала. Я хотел взять каждый из лепестков и положить на язык. Долго жевать, высасывая вкус и аромат. Мне хотелось узнать, что там внутри. Под нежной оболочкой. Какие тайны прячутся? Есть ли там гнилые дыры, или это что-то по-настоящему вкусное в этот раз?

Перевел взгляд вниз, где снег растаял и превратился в грязное месиво, и возникло чувство едкого разочарования. Вся чистота всего лишь видимость. Стоит тронуть, и она тут же превращается в болото. Чистые к Гоше не попадают. К нему приходят те, кто хотят продать себя подороже.

Я резко повернулся к Грациано, и он замолчал, как и переводчик.

– Скажи ему, что у него есть два варианта: либо он уступает мне свою долю, или завтра в новостях появится его голая задница, которую вылизывает однокурсник его сына. Сколько ему было лет, когда Грациано первый раз кончил ему в рот? Так что пусть подписывает бумаги, либо запасается вазелином, когда его затаскают по судам.

Берарди изменился в лице, он дернул галстук и хватанул воздух широко распахнутым ртом. Проклятый итальяшка. Святоша, отмечающий католические праздники и произносящий молитву перед употреблением пищи, любил развлекаться с мальчиками в свободное от бизнеса и молитв время. Да, это были грязные методы давления. А кто сказал, что будет не больно, если сказать «нет» Огинскому?

Я поднял взгляд на итальянца и усмехнулся, когда он нервно начал ставить подписи на бумажках. Вот и все. Конец эпопеи. Сколько ненависти в перекошенном лице. Вот это пра-

вильная эмоция. Она нравилась мне намного больше, чем его лицемерная улыбочка и участливые вопросы о моей маме.

– Скажи, что он по-прежнему останется в совете директоров, но мы пересмотрим политику компании в отношении слияния с нашим филиалом в Венеции.

Зазвонил мой сотовый. Личный. Я бросил взгляд на дисплей и отошел снова к окну.

– Да, Гоша. Надеюсь, ты с новостями.

– Все узнал. Все, что вы просили.

– Мне на мейл сбрось.

– Да, конечно. Мы с Ларисой… мы подумали, что могли бы компенсировать, и в виде подарка…

– Я пока не хочу подарков. Мне нравится тот, что вы уже сделали. Позаботься, чтоб у меня не было проблем и чтоб ее не искали.

– Обязательно.

– Её документы привезешь мне.

– Конечно. Я сделаю все, что вы скажете.

– Выпрыгни из окна.

– Не понял.

– Я пошутил. Иди займись делом.

Пока Марк улаживал нюансы сделки с Берарди, я уже открыл ноут и щелкал по сообщению от Игоря. Не мог справиться с любопытством и злился на себя за это. Бред какой-то. Что в этой девке не так? Почему я думаю о ней? Может, на хер ее вышвырнуть? И тут же внутри поднялся протест. Такой силы, что аж тряхнуло всего. Вышвырну. Потом. Когда надоест.

Увидел ее фото и подался вперед, жадно пожирая взглядом. Красивая. По-настоящему красивая. Я в этом прекрасно разбирался после сотен женщин, прошедших через мою постель. Самых разных мастей и калибров. Ни у одной из них не было лица и ни одна из них не посмела сказать мне «нет».

Каждая черта лица аккуратная, маленькая и глаза в пол-лица. Взгляд глубокий, насыщенный. Не пусто в них. Не щелкают там доллары. Но как говорил мой отец: где не щелкают доллары, там уже нули не вмещаются. Иными суммами все измеряется. Я готов был платить. Много. За то, чтоб рядом оставалась и сказала «да», и еще понимал, что, если не скажет, я ее сломаю. Раскрошу в пыль.

Бросил взгляд вниз на часы. Всего полдня прошло. А мне вдруг ужасно захотелось свою игрушку. Взгляд зацепился за один из снимков. Портрет. Ее лицо крупным планом. Я никогда не видел раньше такого цвета волос. Натурального золотистого цвета. Нетронутого химией. Непроизвольно стиснул пальцы, вспоминая, какие они шелковистые на ощупь. Захотелось пропустить сквозь пальцы, намотать на кулак и потянуть на себя, пристраиваясь сзади, чтобы войти в нее одним толчком поглубже. И тут же волны злости поднялась изнутри – какого хрена я вообще это делаю? Рассматриваю ее.

А еще понимание, что не лгала мне. Не такая она, как остальные, которых поставлял Гоша. Она словно вообще из какого-то иного мира, незнакомого мне совершенно. Он разве существует на самом деле? Я привык к разному виду дерьма, которое прячется под шикарной внешностью, как под оберткой. Но дернешь верхний слой, и завоняет гнилью. Привык читать людские мысли лишь по одному взгляду или понимать с нескольких слов, что из себя представляет собеседник. А на ее снимки смотрел и ни черта подобного не видел. Вот она на мосту идет по парапету с шариками в руках, на другом фото серьезная смотрит в окно, а волосы в косы заплетены и платье длинное ниже колен. Ничего вызывающего. Девушка из другого измерения. И в то же время красота эта ее слишком яркая и одновременно нежная. Представил ее в дорогих брендовых шмотках или в мехах на голое тело, и в паху заныло. Захотелось играть. В нее. Прямо сейчас.

Я листал и листал фото, даже с Берарди не попрощался. Увлекся. Не заметил, как сам улыбаюсь ее фото с подружками. Нет, не в клубе с бокалами спиртного и сигаретами, а на какой-то вылазке у костра. Корчат рожи, перемазанные сажей, сидя на траве перед котелком с кипящей водой. И ни одного фото в трусах и в лифчике или с оголенной грудью, задницей, выпяченным рабочим ртом. Мне даже повеяло запахом дыма и захотелось втянуть этот запах с ее волос. На другом фото она вместе с каким-то ребенком на инвалидном кресле. Я подался вперед, всматриваясь в перекошенное лицо и скрюченные руки мальчика.

«На расчетный счет… Самойлов Дмитрий».

– И кто это?

Голос Марка отвлек от рассматривания снимков.

– Да так. Одна.

– Впервые вижу просто, чтоб рассматривали женщин. Таких…

– Каких? – я откинулся на спинку кресла, глядя на своего помощника и гадая, на каких женщин смотрит он сам. Меня раньше никогда это не интересовало. А сейчас стало любопытно.

– Не знаю, – он усмехнулся и наклонился над фотками. – Простых смертных.

– Что ты видишь? Какая она?

Марк удивился вопросу. Но вида не подал, склонился к ноутбуку.

– Настоящая, что ли. Не городская точно. Я бы сказал – простушка… но нет. Не скажу.

– Почему?

– Вот на этом фото она у себя в комнате. Посмотрите, на полке какие книги стоят. Она увлекается философией, классикой. Она была отличницей. Вот там, на противоположной стене грамоты висят, отражаются в стекле. Судя по всему, ракушки собирает, видите – сколько их у нее? Живут в нищете. Мебель в квартире еще с совковых времен.

Посмотрел на меня, усмехаясь. Но мне было не смешно.

– Думаешь, могла такая у Гоши работать?

– Нееет… Но черт его знает. Иногда в тихих омутах такие черти водятся.

Я вдруг вспомнил, как она извивалась в моих руках, захлебываясь стонами, и меня бросило в жар. Там не омуты, там бездна, и в ней водится нечто страшнее демонов. Демоны у меня самого имеются. И они хотят погрузиться в нее полностью. Разорвать нежную оболочку и рассмотреть ее изнутри.

– Мало ли зачем людям деньги нужны.

Я открыл фото с мальчиком в инвалидном кресле.

– Чем он болен?

– Похоже на ДЦП, но так сразу не скажешь. Оно не лечится. Конечно, нужны деньги на всякие терапии. Большие деньги. Так что, наверное, могла.

И меня опять волной злости захлестнуло. Грязный снег перед глазами появился. Значит-таки, шлюха. Причины уже значения не имеют.

– Я хочу знать о ней больше. Отправь туда кого-то из наших. Каждую мелочь. По песчинкам мне ее соберите.

Марк кивнул и протянул мне папку.

– Он все подписал.

– У него не было выбора. А теперь отправь весь материал, который ты нарыл по педофилии, по всем каналам новостей.

– Но…

– Я не уважаю пид****ов. И я не об ориентации сейчас. Отправляй.

Перевел взгляд на экран ноутбука и склонил голову на бок.

– Узнай, какой фонд собирает деньги для ее брата, для каких целей. Возьми под свой контроль. Доложишь мне.

Открыл последнее фото и почувствовал, как брови сходятся на переносице.

– А это что за лох? – сам себе под нос. – И про этого очкарика тоже мне все раздобудь. Самолет готовь на завтра и… найди мне шлюху. Русскую. Блондинку. Сейчас.

***

Я трахал ее всю ночь. Вертел так и эдак. В разных позах. Во все отверстия. И ни хрена. Не могу кончить. Под утро заплатил и на хер выставил заплаканную, еле стоящую на ногах. Да, после меня иногда трудно ходить. А у меня стояк болезненный адский. Яйца пухнут. Как сто лет не кончал. И я знаю почему. Ведьма золотоволосая в голове торчит и не выходит оттуда. Тело ее идеальное. Грудь с сосками красными. И губы. Я думал о них. Видел, как она облизывает нижнюю кончиком языка, и хотел сделать это сам.

За стол сел, фото ее снова открыл и сам не понял, как рукой дергаю вверх-вниз по вздыбленному, каменному члену, глядя в этот синий космос и вспоминая, как ее пальчики сжимали мою эрекцию и как мои пальцы погружались в ее узкую дырочку. Очень узкую. Можно подумать, она, и правда, девочка. Обхватила меня изнутри, и мне скулы свело от желания ощутить, как сожмет уже не палец. Испробовать на ней все грани своей похоти, глядя в ее голубые глаза полные ненависти и отвращения. Мне до зубовного скрежета захотелось стереть это выражение из ее глаз. Мне было нужно, чтобы в них было нечто другое. Я пока сам не знал, что именно…. например, боль?

Влажными салфетками руку вытер и набрал Антона.

– Что она делает?

– Спит.

– Ела?

– Нет. Как легла после вашего отъезда, так и не вставала.

– Заходил проверить?

– Нет. Вы велели…

– Проверь. И мне перезвони.

Глава 10

Ад пуст. Все демоны здесь.
© Уильям Шекспир

Мой отец никогда её не бил. Нет. И не кричал. Он не бил и меня. Вы думаете, насилие – это обязательно физические истязания? Ни черта подобного. Самое жуткое насилие – это когда ломают душу. Когда из твоего характера выжигают и вытравливают того, кем ты являешься, чтобы вместо него появился некто другой.

Физические раны затягиваются довольно быстро, те, что остаются в душе – никогда. И чем роднее тот, кто их нанес, тем сильнее они болят, даже спустя три вечности после того, как их нанесли. Мне не болело. Нет. Мне кровоточило. Нескончаемо и всегда.

Павел Огинский просто стирал нас в порошок своим совершенным безразличием, цинизмом и саркастичным высокомерием. Он говорил о матери всегда в третьем лице, даже при ней. Деспот с синдромом абсолютного диктатора.

Он считал нас чем-то наподобие своих дополнений. То, что положено иметь и имеют все. У матери случались обмороки из-за высокого давления, а он мог переступить через нее и пойти на кухню пить свой кофе с утренней газетой. Я все это видел… и как бы это абсурдно ни звучало – я все равно хотел быть таким, как он. Чтоб уважал меня. Чтоб не считал гребаным слабаком, которого можно презирать. Но я всегда видел в его глазах только презрение. Когда стал взрослым и у меня появились собственные деньги – первое, что я сделал, это тест на ДНК, и был разочарован. Потому что хладнокровный подонок все же оказался моим отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.